

The background of the entire image is a romantic scene at a formal event. In the foreground, a man in a black tuxedo with a red bow tie and a woman in a red dress are embracing. The man is looking down at the woman, and she is looking up at him. They are standing next to a stone pillar covered in red flowers. In the background, other guests are visible, including a man in a tuxedo and a woman in a white dress. The scene is lit with warm, golden light, and red petals are falling from the sky.

ЛЕНА СОКОЛ

Эксклюзивно
в Литрес
Абонементе

СУПЕРГЕРОЙ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Любовный детектив/триллер

Лена Сокол

Супергерой для Золушки

«Автор»

2018

Сокол Л.

Супергерой для Золушки / Л. Сокол — «Автор»,
2018 — (Любовный детектив/триллер)

Книга доступна эксклюзивно в ЛитРес: Абонементе. Выберите тариф, чтобы получить доступ к книге. Сводная сестра практически украла ее жениха из-под венца, а теперь приглашает на свадьбу. После такого двойного предательства у кого угодно руки опустились бы. Но следователь Варя Комарова не собирается сдаваться. Ей удастся изменить имидж, стать смелее и отбросить сомнения в себе. Случайное знакомство с красивым и внимательным Артемом затягивает ее в водоворот безумных событий. Артем предлагает ей вместе пойти на свадьбу «предателей», чтобы утереть им нос. Он готов сыграть роль нового парня Вари... Чем обернется эта игра?

© Сокол Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1	6
2	13
3	18
4	24
5	30
6	38
7	45
8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лена Сокол

Супергерой для Золушки

© Лена Сокол

* * *

1

– Потому что ты, Варя, – размазня!

Нет, конечно, так он не сказал. Во всяком случае, прямо в глаза. Это уже потом она сама себе, стоя у зеркала, высказала. Хлебнула водки прямо из горлышка, растерла кулаком черные потеки туши под глазами и громко всхлипнула:

– Потому что ты, Варвара Комарова, – настоящая, злостная и отпетая размазня!

После этого, кажется, она пообещала себе, что отныне станет твердой как камень. Серьезной, собранной, суровой... раз... мазн... В этот самый момент следователь Комарова медленно сползла по стене, навалилась плечом на кошачий лоток, полный минерального наполнителя, и уснула сладким сном младенца. Позже, во сне, она все металась, пытаясь избавиться себя от тяжелой доли: цеплялась пальцами за погоны, дергала и тянула, но те никак не желали отрываться, будто намекая, что все еще можно исправить. Еще не поздно. Но Варя не сдавалась – если бы не ее злостная работа, он бы никогда не ушел, никогда не ушел...

Бедный Васька, возжелавший сделать свои важные дела и заприметивший хозяйку спящей лицом в святая святых – в его отхожем месте, недовольно фыркнул и принялся катать по полу пустую бутылку из-под спиртного, так и не ставшую в этот вечер утешением для страждущей души. Единственное, что его беспокоило, как долго он сможет терпеть, пока не обделается, и как сильно получит, если опять рискнет навалить кучу под ванной.

А ведь еще утром ни один из них даже не подозревал, что этот день станет поворотной точкой в жизни обоих. Что этот злостный день принесет не только неприятные сюрпризы, но и полный крах всех надежд.

Тем же утром

Реклама по телевизору в который раз навязчиво призывала потребителей думать о своих подмышках, старинные часы на стене в маленькой комнатухе громко тикали, будто специально поторапливая меня, а наглый кот орал, как птеродактиль, сообщая всему миру, что не жрал со вчерашнего вечера.

– Имей совесть, Василий, – взмолилась я, забежав на кухню, – всех соседей перебудишь! Но зверь и не думал униматься.

– Мррря! – заявил требовательно. И еще раз: – Мряяяяяя!

– Хорошо, ты прав. – И я достала из шкафа огромный пакет с кормом. – Забыла тебя вчера накормить, каюсь. Но ты должен принять как смягчающее обстоятельство тот факт, что мое возвращение домой после полуночи было вынужденным – задержалась на работе. Да, как обычно, и не ворчи. Еле доплелась, упала и уснула. Не забывай, что в городе объявился серийный убийца. Маньяк. И его поимка – на данный момент единственный реальный шанс для меня продвинуться по службе.

Как и предполагалось, сей факт моему коту был совершенно безразличен: он продолжал тревожно и протяжно орать. Открыв мешок, я насыпала зверюге полную миску корма, и Василий тотчас набросился на него, как голодный крокодил. Я погладила его, не забыв похлопать по спинке, отыскала очки, нацепила их на нос и ужаснулась: из зеркала на меня смотрело невнятное помятое серое нечто.

Да, усталость никого не красит, а уж со мной и вовсе творит невероятные вещи. Когда-нибудь непременно буду высыпаться, обещаю, но пока не до подобной роскоши: слишком много работы и крайне мало времени на сон.

Я расчесала волосы мягкой щеткой, уложила их в тугий строгий бублик. Надела белую блузку, строгую черную юбку, пиджак, прошла по ним липким роликом – собрала шерсть

любеобильного Василия. Бросила короткий взгляд в зеркало, выпрямила спину, нахмурила брови – образ серьезного следователя был почти идеален.

Потрепав все еще занятого едой кота по загривку, я вышла во двор, села в свой маленький и уютный «Шевроле Спарк», который мои коллеги-мужчины почему-то упорно, уже второй год подряд, именовали «бешеной табуреткой», и отправилась в родительский дом.

Дом этот строил еще мой отец, когда меня даже в планах не было. Они с мамой тогда только начинали развивать свой маленький бизнес: появилась первая прибыль, на нее и купили небольшой участок недалеко от берега. Строили всей семьей – с бабушками, дедушками, весело и дружно, и через пять лет на этом месте уже стоял каменный особняк. Не замок, нет, так – среднего размера коттедж из белого кирпича, но каждый из членов семьи имел свою комнату – большой шаг вперед. А гостиная с камином – широкая, просторная – и вовсе казалась нам пределом мечтаний.

Когда мы въехали, мне было уже четыре года. А едва исполнилось тринадцать... папа погиб. Его автомобиль сорвался с обрыва и утонул в море. Самоубийство – так гласила официальная версия следствия. Но многие, к примеру бабушка, до сих пор не согласны с ней. Зачем ему было убивать себя? Уютный дом, любящая семья – жена и дочка... Да, проблемы в бизнесе имелись, у кого их нет, многие видели, что отец нервничал, но нам казалось, что он не из тех, кто так легко сдается...

Неизвестно, что толкнуло его на этот шаг. Но после его смерти мы все старались быть сильными, особенно я. Мама много плакала, уходила в себя, а мне было просто непонятно, зачем он нас бросил. Почему оставил один на один с проблемами фирмы и с нашим горем. Когда никто не слышал, я даже разговаривала с ним, спрашивала, просила помощи. Но никогда не получала ответа.

Его бизнес-партнер и друг, дядя Андрей, тогда очень помог нам. Организовал похороны, уладил все вопросы с долгами, нашел маме хорошего психолога, который помог ей выйти из депрессии. Поддержка и помощь Андрея ощущались буквально во всем, и мы точно знали, на кого можем положиться. Через пару месяцев мама попросила папиного друга взять на себя управление ее долей бизнеса, а еще через три года вышла за него замуж. Преданный, заботливый, добрый – он все это время красиво ухаживал за ней, и нам казалось, что о таком муже, как Андрей Майский, можно только мечтать.

Так в доме появилась и Кристина – моя сводная сестра. Щупленькая девчонка, казавшаяся из-за своей худобы почти прозрачной, она стояла на пороге нашего дома и сверлила взглядом пол. Мы были одногодками, но ее мать умерла, когда она была еще крохой. Дядя Андрей воспитывал свою дочь в одиночку, и нам с мамой захотелось обогреть ее, пожалуй, подарить ту любовь, которой она была лишена в детстве.

Не забуду, как подошла к ней тогда, к такой забитой и испуганной, стоящей с тяжелой сумкой на пороге, как хотела обнять и вдруг наткнулась на ледяной взгляд из-под опущенных ресниц. Ее глаза цвета стали вонзились в меня больнее ножа. Девочка не оттолкнула меня, нет, даже позволила проводить в свою новую комнату, но разговаривать не желала. Даже на следующий день.

Поначалу Кристина вообще ни с кем не общалась, глядела на нас недоверчиво, словно дикий волчонок, и это очень расстраивало мою маму. Со временем она все-таки освоилась, и... даже больше. Расслабилась так, что своим гадким поведением нередко приводила в недоумение всех вокруг.

Помню, играли мы с ней в моей комнате. Она примеряла мою одежду, перебирала разноцветные ленты для волос, яркие заколки, простенькие девчачьи украшения из пластмассы и устраивала показы мод. Я чувствовала себя совершенно счастливой оттого, что обрела сестру. Даже подарила Кристине одно из своих любимых платьев – синее с рюшами и широким поя-

сом, его покупал мне еще отец. Мы договорились, что теперь у нас все будет общее, и пошли на прогулку.

Все было на удивление прекрасно: мы шли вдоль солнечной аллеи, срывали цветы и плели венки. У нас даже неплохо получалось вести разговор, мы смеялись и делились маленькими девичьими секретами. Общение становилось все более легким и непринужденным, когда Кристина вдруг остановилась и побледнела так, будто увидела перед собой как минимум привидение.

Я проследила за ее взглядом. Навстречу шагали две девочки. На вид того же возраста, что и мы, но выглядели они достаточно вызывающе. Темно-синяя помада, черный лак на ногтях, крашенные в безумные цвета волосы. На одной из них было экстремально короткое фиолетовое платье, на другой – полупрозрачный топ и рваные джинсы. Обе шли с сигаретами в зубах.

– Кри! – поздоровалась первая, подойдя ближе.

Они явно были знакомы с Кристиной.

– Привет, а что это за пугало прячется у тебя за спиной? – насмешливо спросила вторая, вытягивая шею и выдыхая дым прямо мне в лицо.

– Привет, – подражая их развязной интонации, пропела новоиспеченная сестра, стараясь держаться как можно более уверенно.

Она бросилась обнимать их и спрашивать, как дела. Будто и забыла о моем существовании. Я попыталась разогнать рукой дым перед своим лицом, не выдержала и закашлялась. Две незнакомки снова обернулись ко мне.

– Так что за пугало, говорю? – напомнила первая девчонка.

– Это... – У Кристины не хватило смелости взглянуть на меня. – Это наша... прислуга. Обидные слова неприятно укололи меня в самое сердце.

– Так ты хорошо устроилась в новом доме, а? – присвистнула вторая, смачно сплюнув на тротуар.

На хрупкое плечо сестры тут же легла ее тяжелая ладонь. Она вздрогнула.

– Да, нормально, – кивнула Кристина, – может, это... пойдём отсюда?

– Да, пошли. Бабки есть? – с довольным видом улыбнулась первая девчонка.

Я все еще переминалась с ноги на ногу, раздумывая, стоит ли потребовать у Кристины объяснений. Не хватало решимости. Сестра в это время уже рылась в карманах в поисках денег.

– Что за дерьмо вообще на тебе одето? – фыркнула вторая незнакомка, оглядывая ее с ног до головы.

– Надето, – несмело произнесла я.

Сама от себя такого не ожидала.

– Чо? – не поняла та, угрожающе выдвигая вперед нижнюю челюсть и делая шаг в мою сторону. – Ты чо там вякнула?

– Не одето, а надето. – Умничать – совсем не в моем стиле, но почему-то захотелось встать на защиту сестры, ведь та явно боялась этих девчонок. – Надето. Так правильнее будет сказать.

– Я говорю, ты, чмо, чо ваще щас вякнула?

Эти слова незнакомка буквально выплюнула мне в лицо вместе с горьким табачным дымом.

– Сказала же тебе, не ходи за мной по пятам! Что неясно?! – внезапно вступила сестра и резким толчком в грудь сбила меня с ног.

Я упала прямо на асфальт, больно ударившись копчиком. Как она могла? Так поступить со мной... Неожиданно, подло, грубо.

– Ты мне никто, поняла?! – Ее глаза налились гневом, губы искривились в брезгливой ухмылке. – Тупица! – Она обернулась к одобительно улюлюкающим подружкам. – Пошли отсюда! Бегом!

Приятельницы похлопали ее по плечу:

– Ай да красава! Так ее, чмошницу!

Их очертания стали медленно расплываться у меня перед глазами. Слезы наполнили их. Не хватало еще разреветься! Нужно встать и дать им отпор. Пусть бьют, но унижать себя не дам. Когда я встала на колени, пытаюсь подняться, девчонка в вызывающе коротком платье и рваных кедах сделала шаг и нагнулась ко мне:

– Бу!

Мне было стыдно, но этот возглас заставил меня зажмуриться от страха. Я почувствовала только, как она рывком сорвала сумочку с моей груди и громко расхохоталась. Шаги быстро удалялись, а мне так и не хватило смелости открыть глаза. Я сидела на асфальте, тряслась от страха и слушала затихающий звук их шагов. Когда веки наконец разжались, фигуры обидчиц уже сливались с горизонтом вдали.

Я прибежала домой вся в слезах, рассказала все маме и дяде Андрею. Хотела справедливости, а получила лишь выговор за ябедничество и длинную лекцию о собственном эгоизме и о том, как Кристине тяжело живется на новом месте. Мама молчала – ей новый муж не позволил меня жалеть: «Нужно быть сильной, а не такой, как твой покойный супруг».

Я убежала, закрылась у себя и долго рыдала, осознавая, что жизнь больше не будет прежней. Никогда. Не будет папы, не будет семьи, не будет нормальной жизни под одной крышей с ними. Дала себе слово, что вырасту и докажу всем, что мой отец погиб по воле несчастного случая, и никто больше не посмеет порочить его память, называя слабаком-самоубийцей.

С сестрой я попыталась заговорить сразу после ее возвращения. Не требовала объяснений, просила только отдать медальон с фотографией папы, который был в сумочке. Она швырнула его на пол, усмехаясь, – вынуждала опуститься перед ней на колени. Я подняла медальон, но взгляд не опустила. Решила, что все выдержу, приняла этот вызов. Терпеть, не замечать, не обращать внимания. Все для того, чтобы мама жила спокойно и чувствовала себя счастливой в этом браке.

Но что я поняла за последние десять лет, так это то, что Майский сумел полностью подчинить ее своей воле. Мама не только стала бояться высказать свое мнение, она теперь страшилась того, что Андрей заметит даже намек на наличие у нее такового. Все в доме за эти годы пропиталось атмосферой фальшивой любви: во время ненавистных мне ужинов, на которых все были обязаны присутствовать, глава семейства расточал всем похвалы. Обычно это выглядело так.

– Дорогая, – обращался он к моей маме, – отбивная чудесна. Не такая, как я просил, но это, безусловно, прогресс. Делаеть успехи.

– Варвара, дочка, – это уже мне, – одобряю твой выбор. Надеюсь, в итоге из тебя выйдет хороший следователь – свои люди в органах пригодятся всегда.

– Кристина, хорошая моя, – это уже сами понимаете кому, – не утруждай себя, если не хочется. Диплом всегда можно купить. На самом деле все, что нужно роскошной женщине, – это хороший супруг, способный ее обеспечить и сделать счастливой. – Пронзительный взгляд на маму. – Ведь так, дорогая?

Попробуй поспорь...

Мы были его личной коллекцией домашней мебели и аксессуаров. По крайней мере, именно так я это видела и чувствовала. Мама, к примеру, – дорогушая китайская ваза. Она имела только эстетическую функцию: подобная роскошная вещь должна стоять на самом видном месте, чтобы восхищать проходящих в дом гостей. На нее можно совершенно не обращать внимания – стоит себе и молчит, лишь изредка нужно не забывать вытирать с нее пыль.

Кристина – фамильное столовое серебро. Им любят, хвалят, берегут. Критиковать эту утварь категорически запрещено, ведь она является гордостью и украшением дома. А почерневшие края к приходу гостей всегда можно зачистить с помощью нашатырного спирта, уксуса или соды.

А я? Кто я? Наверное, старая искрящаяся проводка еще советского образца, которую давно пора менять из-за опасности замыкания, но жалко, ведь она так винтажно смотрится, да и мама к ней привыкла. Или старая бабушкина вставная челюсть. Все знают, что она есть, но пытаются не замечать. Поглядывают иногда, стараясь не выказать брезгливости и неприязни, и терпят только потому, что бабушке без нее никак не обойтись. Ждут, когда они отслужат свое. И челюсть, и бабушка.

Кстати, о бабуле. Дядя Андрей устроил мать моего отца в дом для престарелых. Сразу, как только переехал к нам: «Так будет лучше для всех. Прасковья Афанасьевна нестабильна психически, у нее серьезные проблемы с памятью, поэтому ей просто необходим квалифицированный уход». Все, не обсуждается, он так решил.

Вот такой «равноправный союз».

Этот человек заставил маму отойти от дел, стал полностью контролировать ее досуг и расходы, даже в разговоре теперь всегда отвечал за нее. Ведь он лучше знал, что хорошо для его семьи. С тех пор спорить моей маме не разрешалось, иметь свое мнение тоже, ведь все, что делает для нее новый любящий муж, – это «забота», а за нее нужно быть благодарной.

Почему я не бунтовала, спросите вы. В юности пыталась, но Андрей всегда оборачивал любые мои действия против меня. Расчетливый, скользкий, холодный тип.

Я:

– Кристина берет мои вещи без спроса.

Он:

– Не будь жадиной, Варвара. Тебе что, жалко их для сестры?

Я:

– Кристина обзывается, обижает меня, делает пакости.

Он:

– Своими выдумками ты не привлечешь к себе больше внимания, прекрати!

И так далее.

В общем-то, это меня даже закалило. Долгое время я присматривалась к новым членам семьи, пыталась определить их слабые места. Мечтала, что вырасту и предъявлю права на свою долю недвижимости и бизнеса, в шестнадцать лет даже начала изучать юриспруденцию, интересоваться своим наследством. И выяснила, что фирма отца давно обанкротилась и новым предприятием – крупной птицефабрикой, выросшей в свое время из маленького частного хозяйства, – теперь управляет единолично Андрей. Главное, все по закону, не подкопаться. И единственное, что есть у нас с мамой теперь, – этот дом, из которого я съехала еще в восемнадцать лет.

Выводы: мы должны быть благодарны отчиму за то, что он содержал нас все это время. И никак иначе.

– Только не сейчас! – взмолилась я, вцепившись в руль чихающего автомобиля.

И тот, словно услышав мою мольбу, кашляя и дергаясь, продолжил путь. Через пятьдесят метров я припарковалась у железных ворот отчего дома. Заглушила мотор, схватила сумку, выбралась наружу и одернула узкую юбку.

Я бросила взгляд на окна второго этажа, туда, где располагалась спальня матери и Андрея. Плотные шторы были задернуты. Неужели она еще не встала? Мы же договорились!

Я уже привыкла к тому, что мама в последнее время стала забывчивой и рассеянной, но помочь дочери в планировании свадьбы – это ведь святое, разве не так?

Отворив дверь, я тихонько вошла. Отчим в это время уже должен был уйти в офис, он не слишком-то любил, когда мама куда-то выходила, поэтому мы с ней и договорились встретиться, когда его уже не будет дома. На всякий случай я на цыпочках прокралась к лестнице на второй этаж и уже занесла ногу над ступенькой, как слева прогремело:

– Даже не думай.

Я обернулась. Андрей сидел в столовой, как всегда подтянутый, собранный. В свои сорок восемь мой отчим выглядел моложаво. Слегка тронутые сединой русые волосы, гладко выбритое лицо, строгий костюм, застегнутый на все пуговицы. Он казался невозмутимым и привычно холодным. И так было всегда, даже если внутри него кипели ярость и гнев.

– Привет, – поздоровалась я и встала по стойке смирно.

Отчим отложил столовые приборы, поправил салфетку на коленях и, оглядывая меня с ног до головы, прищурился.

– Не слышал, как ты вошла.

– Открыла своим ключом, – призналась я, набравшись смелости.

Он поднял бокал с вином и задумчиво посмотрел на его содержимое.

– Варвара, ты здесь давно не живешь. – Он сделал маленький глоток. – В следующий раз потрудись известить нас о своем визите заблаговременно.

Это уже слишком. Никто не посмеет запрещать мне приходить в свой собственный дом. В дом моего покойного отца! С этой мыслью я решительно шагнула в столовую.

– Я известила свою мать.

– Она меня не предупреждала.

– Ну прости, Андрей. – Я гордо выпрямила спину, готовая дать наконец этому хлыщу достойный отпор. – Когда мне хочется прийти в свой дом, я так и делаю. И не обязана спрашивать у кого бы то ни было разрешения.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Отчим неторопливо пригубил вино, затем поставил бокал на белую скатерть.

– Тогда, Варвара Николаевна, счета за услуги и все налоги на эту недвижимость тебе придется оплачивать самой. Разумеется, в той доле, которой ты владеешь.

Стойко выдержав этот удар, я улыбнулась.

– Тогда и вам, Андрей Михайлович, придется оплачивать услуги: газ, воду, свет и прочее. Разумеется, в той доле, в которой вы их потребляете.

А что? Я взрослая женщина, которая уже может позволить себе вступить в открытую конфронтацию с этим человеком. К тому же я выхожу замуж, и теперь есть кому за меня заступиться.

– Варвара. – Он остановил меня движением руки. – Вынужден напомнить: в этом доме мы не ходим в грязной обуви.

Я проследила за его взглядом. К одной из моих туфель действительно прилип комок грязи. Я сжала руки в кулаки, пытаюсь унять раздражение, и набрала в легкие больше воздуха, чтобы покрепче высказаться, но... почему-то не хватило решимости. Я сняла лодочки и встала босыми ступнями на паркет.

– Так лучше?

– Если ты решишь остаться, попрошу Татьяну отнести твою обувь в прихожую.

– Татьяну?

– Да. У нас появилась экономка.

– Кто?

– Она будет вести домашнее хозяйство. Познакомься.

Отчим кивнул в сторону двери, я растерянно оглянулась и обнаружила за своей спиной молодую женщину. И вздрогнула от неожиданности. Откуда она там взялась? Шагов ведь не было слышно.

– Здравствуйте, – выдавила я тихо.

Незнакомка смерила меня долгим взглядом и слегка склонила голову. Видимо, этого в ее понимании было достаточно для приветствия. Бледно-зеленые глаза женщины смотрели на меня изучающе, огненно-рыжие волосы, собранные в красивую волну и аккуратно закрепленные сбоку, выглядели слишком ухоженными для простой прислуги. Платье из зеленого бар-

хата, модный нюдовый маникюр и красные туфли на десятисантиметровой шпильке тоже говорили о том, что эта мадам вряд ли стала бы пачкать свои ручки грязной работой.

– Татьяна будет следить за порядком и руководить штатом прислуги. Мы наняли горничную, повара и садовника. – Отчим милостиво указал мне на стул. – Позавтракай, Варвара. Расскажи, как складывается твоя самостоятельная жизнь? Как Альберт? Давно не видел вас вместе.

Ну вот. И что он пристал к моему жениху? Во время нашего прошлого визита тот дал понять, что не хочет брать продукцию его птицефабрики на сбыт в свои магазины. Я замялась, подбирая слова, и наконец решительно заявила:

– Поднимусь к маме.

Развернулась и припустила бегом вверх по лестнице.

– На твоём месте я не стал бы этого делать, – послышался его недовольный голос за спиной, но меня уже было не остановить.

2

Что могло произойти в доме за пару недель с моего прошлого визита? Почему я его совсем не узнаю? Неприятное тревожное чувство холодило грудь, в ушах звенело.

– Мама! – тихонько позвала я, приоткрыв дверь в ее спальню.

Ответа не последовало. Я вошла, огляделась: внутри было темно и тихо. Интерьер в темно-зеленых тонах выглядел мрачновато и даже пугающе. Такая обстановка кого угодно могла бы вогнать в лютую депрессию, неудивительно, что мама в последнее время выглядела уставшей, тусклой и серой.

Я подошла к окну, раздвинула шторы и открыла форточку. Дневной свет ворвался в комнату вместе со свежей утренней прохладой, запахом озона и привкусом моря. Я обернулась к кровати. Мамино некогда красивое тело покоилось на шелковых простынях неподвижно, словно застывшее. Она лежала в странной позе: свернувшись, как эмбрион, будто желая спрятаться от всего мира под одеялом.

– Эй, мам... – Я села и погладила ее по плечу.

Она шевельнула губами, но глаз не открыла.

– Мамочка, – позвала я еще раз и легонько потрясла ее.

– М-м...? – Ее веки с трудом приподнялись, замутненные сном глаза смотрели куда-то сквозь меня. – Варя...

– Почему ты спишь? Мам, тебе плохо?

– М-м... – снова простонала она, пытаясь приподняться. Но, очевидно, сил на это у нее не хватало.

– Мы же с тобой договаривались утром съездить в ресторан. Помнишь? Внести предоплату за свадебный банкет, выбрать торт.

– Прости, доченька, – мама едва заметно покачала головой, – не выспалась.

– Что с тобой такое? Ты сама не своя в последнее время. Поздно легла? Он тебя изводит? – Я облизала пересохшие губы. – Что происходит? Скажи мне честно, мам, я обязательно придумаю, как тебе помочь.

На ее сонном лице вдруг промелькнул страх. Эту эмоцию я научилась распознавать еще давно. Приоткрытые в ужасе глаза, вскинутые брови, сжатый в напряженную полоску рот, резкие неловкие движения – все это каждый раз отражалось в ее поведении, стоило только сказать что-то неуютное ее мужу. Такое трудно было скрыть.

– Родная, – она попыталась рассмотреть меня, прищуриваясь от яркого света, – я просто устала. Честно. Прости. Мне нужно только немножко поспа... поспать...

– Ладно, – выдохнула я, поглаживая ее по спине, – ничего страшного. Схожу одна.

– Ох, прости, – прошептала мама перед тем, как отключиться.

Ее тело выглядело непривычно хрупким, кожа – бледной и безжизненной, как газетная бумага. Я наклонилась и обняла ее. Крепко, но нежно. Вдохнула знакомый запах волос, почувствовала родное тепло и не удержалась от слез. Черт возьми, она казалась мне такой слабой, почти прозрачной... Что-то внутри подсказывало, что это состояние у нее неспроста. И к этому может быть как-то причастен мой отчим.

Посидев еще минут пять, я поправила ее одеяло и встала.

Мама всегда была справедливым человеком. С тех пор как в нашем доме появилась Кристина, она старалась не делать между нами различий: никогда не поддерживала ни одну из нас в спорах, была одинаково ласкова с обеими, старалась выслушать и окружить заботой каждую.

Это не означало, что она перестала выполнять свои материнские функции на сто процентов, но между нами будто потерялась прежняя связь. Мы больше не проводили много времени вместе, как прежде, не говорили по душам, наше общение стало таким же официальным, как

и все в этом доме с приходом Андрея. Даже после моего переезда наши телефонные беседы раз в несколько дней больше напоминали стенограмму из зала суда: «вопрос-ответ, вопрос-ответ». Сухо и по делу.

Мне было жаль ее. Чисто по-женски. Мама каждый день была вынуждена убеждать не только нас, но и саму себя, что живет счастливо. Но это так называемое «счастье» все больше превращало ее жизнь в существование. И сегодняшнее утро только укрепило меня во мнении, что ей нужна моя помощь.

Перед тем как покинуть комнату, я остановилась у прикроватной тумбочки. Что-то белесое среди стопки книг вдруг привлекло мое внимание. Маленький пузырек с круглыми пилюлями внутри. Что это? Что за таблетки? Не слышала, чтобы маме назначали какие-то лекарства. Взяв в руку, я повертела его на свету – никаких обозначений и надписей, не было даже наклейки с названием препарата. Я открыла пузырек, достала одно драже и быстро сунула в карман. И едва успела поставить пузырек на место, как услышала шаги за дверью.

– А, это ты, гончая наша, – раздался скрипучий голос.

Сестрица. Можно было догадаться, даже не оборачиваясь. От нее обычно веяло холодом за версту.

Стараясь не реагировать на очередной выпад родственницы, по-прежнему пытающейся задеть меня, я наклонилась, снова поправила мамино одеяло и только после этого медленно повернулась к ней.

– Привет, – произнесла я вполголоса, встретившись с ней взглядом, и двинулась в сторону двери.

Вид у Кристины был еще тот. Она стояла на пороге, опираясь о косяк, и ухмылялась. Всклокоченные светлые волосы, будто только с подушки, под глазами – черные полосы от осыпавшейся еще вчера туши, потрескавшиеся губы... Платье на ней тоже не выглядело свежим: модное и стильное, оно было измятым, словно ей пришлось катиться кубарем с горы, потом трое суток ехать в битком набитом автобусе, а позднее пару километров крутить педали велосипеда.

– Ты чего так рано? – не собираясь сдвигаться с места, спросила сестрица.

– Может, выйдем? – предложила я, пытаясь протиснуться между ней и дверным косяком. – Мама спит.

Крис долго сканировала меня взглядом и, наконец сдавшись, неохотно сделала шаг назад. В нос мне ударил резкий запах спиртного и духов. Причем не только женских. Она будто специально натерлась мужским лосьоном после бритья – так отчетливо ощущалось что-то знакомое: нотки фруктов, кедра и сандала.

– Ты не выспалась, что ли? – поинтересовалась я, рассматривая ее в коридоре.

– Просто еще не ложилась, – с довольным видом пропела она, смерив меня взглядом с высоты своего роста.

Крис внешне очень напоминала своего отца – такая же рослая, подтянутая, с заостренными скулами и ровным прямым носом. Лет в четырнадцать, помнится, она резко начала обгонять меня по всем параметрам, а уже к восемнадцати вымахала, став на полголовы выше, оформившись и обзаведясь крутыми бедрами и достаточно пышной грудью. Девочка, надо признаться, всегда умело пользовалась всем тем, чем так щедро наделила ее природа. Словно чувствовала, что мне нравится тот или иной мальчишка в старших классах школы, и тут же начинала проявлять к нему рьяный интерес.

– Тогда ясно, – кивнула я, желая быстрее закончить этот разговор. – Ну, мне пора. Пока, Крис.

Ясно, почему ее вид напомнил мне этюд «Возвращение с сеновала». Кристина выглядела откровенно счастливой, здорово помятой или – опишу ее эпитетом, которым она обычно награждала меня, – затраханной. Только Варя Комарова обычно так выглядела после интен-

сивной работы по делу, а Кристина Майская – после хорошей гулянки. Румянец, припухшие губы, запах перегара и блаженное выражение обычно злых глаз сейчас только подтверждали данную версию.

– Подожди, – бросила она мне в спину.

Я обернулась, изобразив подобие вежливой улыбки. Ужасно не хотелось пускаться в очередные бессмысленные пререкания лишь для того, чтобы потешить ее самолюбие. Мне еще с детства надоело слушать, какая она умница и какая я зануда.

– Что? – спросила я, держа спину прямо.

Крис догнала меня в три шага и взяла под локоть.

«Что за внезапное проявление родственной любви и ласки?» – мелькнула у меня мысль.

– Пойдем, покажу. – Она повела меня по коридору, и я не стала упираться.

– Чья машина? – поинтересовалась я, заметив болтающийся в ее руке брелок.

– Моя, – похвасталась она, обдав меня смесью алкогольных паров и парфюма.

– Так у тебя же прав нет, – заметила я, пытаясь разглядеть хоть каплю чего-то здорового в ее замутненных алкоголем глазах.

– Купить – не проблема.

Ох, уж это чувство превосходства над всеми и вся! Каждый раз, когда сестрица чем-то хвасталась, ее спина выгибалась, плечи гордо выдвигались вперед, голова надменно склонялась набок. Непринужденность с налетом аристократизма, мать ее. Только пахивало все это, как правило, гнилью и фальшью. Сколько мы таких перевидали у себя в следственном комитете: сперва пальцы веером, а затем: «Мама, папа, помоги!»

Я высвободила руку и прорычала, сжимая кулаки:

– Сначала права покупаете, потом детей сбиваете.

– О! – застонала Кристина и изобразила, как приставляет к виску пистолет. – Началось! Опять мента включила! – Она остановилась и сложила руки на груди.

– Пошла бы лучше, как все, на права учиться, купила бы простенькую машинку, пока навыков мало. Так все делают. В мире нормальных людей.

Крис зевнула, устало опираясь о стену. Боже, и кому я пытаюсь втолковать очевидное? С такими эгоистами, как она, бесполезно о чем-то разговаривать. Не стоило и начинать.

– Слышь, Варь, – она откинула прядь светлых волос с лица и облизала пересохшие губы, – мы с тобой только начинаем нормально общаться, как ты опять включаешь вот эту свою правильность. Тебе бы расслабиться и жить в свое удовольствие, а ты ходишь вечно, как Шапокляк! В очках этих стремных, в юбке учительской, в чунях старушечьих на маленьком каблучке. И еще поучаешь всех с умным видом. Правда, надоело уже. Тебя ментовка совершенно испортила, вот честно.

Отлично. Сейчас пойдет действие второе – Кристина начнет ставить себя мне в пример.

– Если тебе будет легче, – продолжила сестра, не оправдав моих ожиданий, – то я просила у папы машинку попроще. Не виновата, что он захотел купить мне новую «Хонду СРВ» цвета слоновой кости. – И она радостно потрясла перед моим носом брелком.

– Действительно, – усмехнулась я. – Настоящий садист.

– Перестань хмуриться, и так уже лет на сорок выглядишь в свои двадцать пять, скоро вся в морщинах будешь.

Я расслабила лоб и, стараясь сохранять спокойствие, произнесла:

– А почему сразу не «хаммер»? Или «феррари»?

– Понятно. – Крис надула губы. – Будь я твоей родной сестрой, ты бы за меня порадовалась.

Мне показалось, что у меня сейчас дым из ушей повалит. Будь она моей сестрой, я бы ее давно задушила. Труп вывезла бы и... и...

– Просто ты должна понимать, что езда без прав и в состоянии алкогольного опьянения до добра не доведет. Разве папочка тебе этого не говорил? Поберегла бы свою жизнь и жизнь ни в чем не повинных людей, которые ездят и ходят по дорогам города и не подозревают об опасности в твоём лице.

– Бла-бла-бла, – она изобразила пальцами что-то вроде лающей собаки, – не учи ученого, съешь...

– О, только давай без этого! Мы уже не дети, не паясничай. И говори уже: чего хотела?

Перестав смеяться, Крис двинулась дальше по коридору и поманила меня пальцем:

– Папа переделывает твою комнату.

– Что?! – Я припустила за ней следом.

– Делает ремонт.

– В смысле? Зачем?!

Сестра поглядела на меня через плечо:

– А ты что, собиралась вернуться?

Я пожала плечами:

– Нет.

– Ну, а в чем тогда дело? Там пока поживет Татьяна, наша экономка.

«Лучше бы на ремонте сэкономили», – пронеслось у меня в голове.

– Но почему у меня? Это же моя комната, мои вещи, память в конце концов! – Мне показалось, что я сейчас просто задохнусь от возмущения.

– А вот, кстати, и твои вещи. – Открыв двери, Кристина указала на стоящие на полу коробки. – Большую часть рабочие уже отнесли в подвал, здесь остатки. Заберешь? Или можем спустить туда же.

Я заглянула в комнату. Ни следа любимых розовых обоев. Все ободрано, полы уставлены банками с краской, емкостями с химией, валиками, ведрами и инструментами.

– По какому праву? – только и смогла произнести я, с трудом протолкнув слюну в пересохшее горло.

– Да брось ты, Варька. – Эта прожигательница жизни набралась наглости и хлопнула меня по плечу. – Красиво же будет! Он ведь как лучше старается.

– Татьяне что, обязательно жить у нас? Она не может просто приходить каждый день? И зачем вообще этому дому домоправительница? Здесь даже править нечем!

– Послушай, Комарова. – Голос сестры вдруг стал жестче. – Если папа решил, значит, так нужно, усекла? Ты же знаешь, где начнешь с ним спорить, там и закончишь. С приходом Татьяны у нас действительно стало уютнее. Не все же ей в папиной бильярдной, в мансарде ютиться, правда ведь? Вот. – И уже мягче добавила: – Тебе она понравится, увидишь. Наташику ведь понравилась.

– Мою маму зовут Наталия! – Я присела и принялась дрожащими руками перебирать вещи в коробках.

Старые тетрадки, книги, немного одежды, деревянные фигурки, доставшиеся от папы, – он сам их вырезал. Тигр, крыса, обезьяна, дракон, бык, лошадь и другие. Все знаки китайского зодиака.

– О-ке-ей, – насмешливо отозвалась Крис где-то за спиной. – Наталь так Наталь, только не закипай опять. Ты такая нервная в последнее время.

«А ты такая тупая и наглая, что даже тошнит», – в гневе подумала я.

Я продолжила перебирать вещи. Слишком много коробок. Слишком много вещей, которые хотелось бы сохранить на память. И чувство такое в душе неприятное... Не заберу – выбросят. Без капли сожаления. Как только вместить все это в крохотный «спарк»? Проблематично. Нужно будет попросить кого-то из ребят-оперов съездить со мной, они не откажут.

Нет, ну что за люди! Взяли и вышвырнули мои вещи из моей же комнаты. Бесперемонно, без предупреждения. А мама! Хоть бы заикнулась об этом!

– Как дела на службе? – разглядывая свой маникюр, спросила сестрица и громко зевнула, едва не вывихнув челюсть.

– На службе? – Поставив одну коробку на другую, я с трудом подвинула их ближе к стене. И принялась отряхивать юбку, моментально покрывшуюся толстым слоем строительной пыли.

– Да. – Крис убрала волосы за уши. – Все убийц ловишь? Никакой личной жизни?

Я выпрямилась и бросила на нее уничтожающий взгляд.

– К чему такие вопросы? Ты же знаешь, у меня скоро свадьба. И с личной жизнью все в порядке.

– У тебя? – Она хитро улыбнулась и округлила глаза. – Ты уверена?

– Не смешно. – Я сердито сдвинула брови. – У нас с Альбертом все хорошо. Назначен день бракосочетания. Можешь и дальше обзывать меня хоть занудой, хоть Шапокляк, но я выхожу замуж за человека, который любит меня такой, какая есть. Удивительно, правда?

– Правда. – Теперь Кристина старательно изображала попытку сдержать смех. – Только это все еще больше похоже на фантастику, чем на реальность. Ты точно не выдумываешь? Да я, мне кажется, быстрее замуж выйду, чем ты.

– Да ради бога. – Я усмехнулась и направилась к окну. – Только почему раньше-то не вышла? Желающих не нашлось?

– Раньше не хотелось, – сказала она, четко разделяя слова. – А теперь вот как-то резко захотелось... аж мочи нет...

«Тогда ищи дурака!» – мысленно усмехнулась я.

Мне действительно стало смешно. Замуж ей захотелось. Пусть сначала папочка найдет терпилу, который станет молча сносить все выходки этой избалованной стервы, а потом уже заикается о браке. Еще смеет мне не верить! Издевается! А что тут такого? Я вроде бы не страшная. Умная, серьезная, надежная. Перспективная. На таких как раз и женятся.

И я уткнулась носом в стекло окна, через которое часто в детстве любовалась морем: то тихим, с блестящей ровной гладью поверхности, будто спящим или притаившимся, то беспощадным, бушующим, готовым обрушить на берег всю мощь своих волн. Как же было когда-то хорошо... Пока папа не умер...

Я опустила взгляд вниз, на ворота. Моя машина так и стояла на своем месте, только теперь вокруг нее кто-то неторопливо расхаживал. Валера. Водитель, правая рука Андрея, верный прислужник или карманный миньон, как я его про себя называла. Фигурой он был очень схож с мультяшным персонажем – коротышка, голова которого плавно переходила в туловище без талии, с короткими толстенькими ножками. Довольно мерзкий тип, если честно.

Когда он принялся во второй раз обходить мою четырехколесную малышку, внутри у меня неприятно похолодело. Что ему нужно?

– Вот теперь мне точно пора, – пролепетала я, разворачиваясь, и поспешила на выход.

– Удачи, – послышалось за спиной. – Сестренка...

3

Быстро спустившись по лестнице, я с облегчением выдохнула, когда не застала отчима ни в столовой, ни в гостиной. Отыскала туфли в прихожей, надела их и вышла во двор.

– Привет, – бросила я и, торопливо перебирая ногами, припустила к своей машине.

Валера со скучающим видом курил, стоя в метре от моей «ласточки».

– Привет, – ответил он, дождавшись, когда я выйду к нему за калитку. – Варя, ты перегородила выезд.

– Да? – Я пригладила пальцами и без того идеально прилизанные волосы. – Прости, торопилась.

По правде говоря, ничего я не перегородила. Спокойно мог выехать, не трамвай же.

– Ничего, шеф все равно еще не спустился.

– Ага. – Я остановилась возле автомобиля, достала из кармана пиджака брелок, шелкнула сигналкой.

Мужчина продолжал курить в тени акации, стряхивая пепел в аккуратно постриженный газон. На вид Валере было лет сорок, не меньше. А на самом деле – около тридцати: возраст ему прибавляли тридцать-сорок килограмм лишнего веса.

Он появился у нас, когда дела на фабрике пошли хорошо и Андрей уже мог позволить себе личного водителя. Мне тогда было около пятнадцати лет. Этот толстяк, выглядевший тогда ничуть не лучше, чем сейчас, входил в число доверенных лиц шефа, имел свободный доступ в его кабинет и к нам в дом. Не знаю уж, как он умудрялся помещаться за руль с таким животом, но мне всякий раз казалось, что он вот-вот протрет баранкой дыру на рубашке.

– Слушай, Валер, – сказала я, открыв дверцу автомобиля, – а ты в технике разбираешься? Не помотришь двигатель?

Он выбросил окурок в урну и подошел ближе. На его сорочке расплывались влажные круги в районе подмышек и ворота.

– Что у тебя? Сломалось что?

Я села за руль и осторожно захлопнула дверцу.

– Да завелась сегодня плохо.

– Могу хорошего автослесаря порекомендовать. – Валера наклонился, разглядывая меня из-под опущенных ресниц. Не самый приятный взгляд, его фирменный. – Сам я на уровне обычного водителя: масло там поменять, запаску поставить.

Он устроил локти прямо напротив моего лица.

– Ну, ты послушай, пожалуйста, – натянуто улыбнулась я, – сама-то я совершенно ничего не соображаю в моторах.

– Хорошо... – Валера нехотя убрал руки и двинулся к капоту. – Заводи, послушаю.

Я повернула ключ в замке зажигания, сработал стартер, двигатель заурчал ровно и размеренно. Голова водителя скрылась под капотом. Я бросила короткий взгляд на крыльцо. Андрей уже стоял у двери и хмурился, поглядывая в нашу сторону.

– Вроде нормально все, – отозвался Валера. – Двигатель шепчет.

– Ладно. – Я пожалала плечами, глядя, как он закрывает капот.

Толстяк снова направился ко мне:

– Может, аккумулятор нужно поменять? Когда меняла?

– Да как купила, не трогала, – сказала я, пристегиваясь, и смерила его долгим испытующим взглядом.

– Понятно. – Он хлопнул по крыше автомобиля и, вдруг заметив шефа, выпрямился и отряхнул руки.

– Ну... спасибо, – пролепетала я, заметив, что отчим направляется к нам. – Мне пора, а то опоздаю.

И резко тронулась с места. Не хватало мне еще одного неприятного разговора с этим Майским. Вот выясню, чем он мать пичкает, и выгоню их всех из своего дома к чертям собачьим. Хорошо, что сдержалась и не стала скандалить, – с такими изворотливыми типами нужно вести себя умнее.

Я выехала на Прибрежную улицу, которая тянулась вдоль моря. Меня всегда успокаивала дорога, шум волн, вид бескрайних вод и горных вершин, взрезающих облака вдалеке. Приятное чувство от того, что теперь все изменится, согревало душу не меньше. Надо же, как бывает: не ищешь любви, не жаждешь отношений, а тут вдруг, словно из ниоткуда, появляется твой принц.

У нас с Альбертом так и вышло. Год назад я забежала к маме повидаться и столкнулась в дверях с симпатичным блондином. Среднего роста, с голубыми глазами и маленькой ямочкой на подбородке. Такой крепкий, что меня от удара о его плечо даже назад отбросило. Андрей тогда пригласил его на ужин, надеялся навести мосты, договориться о сбыте продукции, но гостя мало вдохновили предложенные условия – стабильный поставщик с гораздо более приемлемыми ценами у него уже был.

Тогда я не придавала значения этой встрече. Парень подхватил меня, не дав растянуться на полу, помог сохранить равновесие и подняться. Представился. Я лишь улыбнулась в ответ, произнесла свое имя и поспешила в дом. Удивилась, когда Альберт вдруг позвонил на следующий день. Не восприняла всерьез. Может, я действительно не люблю себя, как говорит мама, но мне трудно было поверить, что молодой, подающий надежды бизнесмен захочет видеть рядом с собой такую серость, как я. Не то чтобы я считала себя некрасивой или что-то вроде того... Просто такие, как он, чаще выбирают более эффектных подруг.

Мы начали встречаться, но из-за плотного графика обоих это со временем становилось все труднее. Нужно было что-то менять. После моего отказа переехать к нему Альберт вдруг предложил мне выйти за него замуж. Вот так, спустя год отношений. И я, взвесив все за и против, согласилась. Нет, я не была безумно влюблена, но... Просто видела, что *он* меня любит, что заботится, что он – надежный и милый. И понимала, что вряд ли кто-то другой согласится принять меня – с моим-то характером и причудами.

Мама очень обрадовалась, а вот отчим отреагировал сдержанно. Правда, позже выразил надежду на то, что это может сыграть на руку его бизнесу. Сестра, разумеется, даже не поверила.

– Мечтаю, чтобы меня красиво совратил какой-нибудь мультимиллиардер, – сказала она, – а тебе и торгаш нормально. Если это, конечно, правда.

А мне было все равно, что они думают. Главное – мама. Она, конечно, совсем потеряла контроль над своей жизнью и в руках Андрея уже напоминала желе, но отказывалась это признавать и жутко сердилась, если я на это ей намекала. Поэтому нейтральные темы, вроде моей работы и личной жизни, становились нашим тихим островком, связующей нитью. И ей ужасно нравилось помогать мне с подготовкой торжества. Она мечтала, как все будет, а я кивала и продолжала пахать. На службе, разумеется.

Взглянув на часы, я поняла: нужно поторопиться, иначе не успею на планерку. А опоздание – все равно что конец света, совершенно невозможное событие. Графики, планы, расписания – это все мое. Мне даже иногда снится, как я бегу, вкладывая в отчаянные движения последние силы, и... опаздываю. Просыпаюсь в холодном поту. Может, для кого-то кошмары – это чудища, монстры, бросающиеся за вами в погоню маньяки-убийцы. Для меня такое – всего лишь обыденность, а вот прийти куда-то не вовремя – настоящий мрак. Страх, парализующий

сознание. Ведь я ни разу не опаздывала, никуда и никогда. Ни в школу, ни в вуз, ни на работу. Лучше прийти заранее и подождать, чем... Ух, от одной мысли сразу плохо становится!

Может, сестрица и права, когда называет меня занудой. Не знаю, но организованность – это моя стабильность, уверенность, стержень.

Я остановилась у отеля «Бухта», закрыла машину и бодро вбежала внутрь.

– Добрый день! – обратилась я к портье. – Мне нужно оплатить бронь за аренду главного зала, у меня мероприятие назначено на двенадцатое июня.

– Прошу вас, – тот указал рукой на дверь справа, – это к управляющему.

– Спасибо.

Я направилась в кабинет. Увидев меня, мужчина в светлом деловом костюме вскочил с места, подбежал и пожал мне руку:

– Рад приветствовать.

Дверь за моей спиной мягко закрылась.

– Я... очень спешу, – заметила я, поглядывая на настенные часы. – Мне назначено на девять.

– Да, помню. – Управляющий указал на кресло, обтянутое малиновой кожей. – Присаживайтесь. Вы уже были на дегустации?

– Мне бы только внести залог. Это же можно отложить на другой день? Уже опаздываю на службу.

Я остановилась возле его стола и залюбовалась красотой убранства. Высокие потолки, окна в пол, отделка мрамором, изысканная мебель. Понятно, почему Альберт настоял на том, чтобы торжество проходило здесь.

Наверное, мне это снится. Как в сказке: я пройду под руку с самым прекрасным мужчиной на свете перед семью десятками гостей. Белое пышное платье с открытыми плечами, аккуратная диадема, маленькая, чисто символическая фата. Ох... Для такого случая можно даже волосы распустить на людях!

– Всю сумму будете вносить? – донеслись до меня слова управляющего.

И я словно полетела вниз с вершины сказочной горы, где нет ответственной и сложной работы с кучей злодеев всех мастей, нет навязанных мне родственничков и рутины, одни лишь зефирные облака, купидончики и мужчина мечты, который скоро станет моим мужем.

– Да, всю, – ответила я коротко и сурово, выложив из сумочки на стол стопку купюр, переданных мне еще неделю назад женихом.

– Отлично, – с придыханием произнес мужчина и, заграбастав банкноты, принялся пересчитывать их.

Я кивнула, сохраняя уверенный вид. Каким бы ты ни был внутри себя, профессия обязывала сохранять серьезный вид всегда и при любых обстоятельствах.

– Все верно, – облизав губы, проворковал управляющий и принялся выписывать мне счет.

Ну вот. Заявление подано, платье заказано, аренда оплачена. Я еще на один шаг ближе к своей мечте.

– Варя! – окликнул меня на стоянке Лунев.

– Егор! – с облегчением вздохнула я и, закрыв машину, направилась к нему. – Думала, что уже опоздала на планерку.

– Для тебя это равносильно пыткам, – засмеялся коллега, дожидаясь, когда мы поравняемся.

Егор Лунев. Высокий мускулистый шатен со смеющимися зелеными глазами и бледной кожей человека, редко бывающего на солнце. Он всегда казался мне моложе своих тридцати двух – совсем как мальчишка. Может, дело было в его неиссякаемом оптимизме, а может, в

обезоруживающей улыбке, заставляющей собеседника довериться и чувствовать себя рядом с ним комфортно. Не знаю. Но если бы не Лунев, я могла бы твердо сказать, что у меня нет друзей. Совсем.

Егор тоже был следователем и занимал соседний со мной кабинет. С его помощью мне удалось стать тем, кем я сейчас являюсь. Он прикрывал меня, если было нужно, поддерживал, ободрял. Единственный, кто понимал мое стремление добиться успеха, доказать, что я чего-то стою. Спорным методом мотивации, конечно, можно считать его утверждение «Кто не дослужался до капитана к двадцати пяти, тот debil», но на меня тогда подействовало.

Два беспроблемных «глухаря», раскрытых мной за последний год, подняли меня в глазах начальства и даже своих собственных. Вряд ли бы мне хватило смелости принять требуемые решения, если бы не он. Вот уже за одно это, за руку помощи его и можно было уважать.

– Ты преувеличиваешь, – смутилась я, поравнявшись с ним, – просто нет ничего ужаснее, чем входить в кабинет в разгар планерки и видеть, как Порох готов взорвать тебя одним взглядом!

– Тебе же не доводилось этого испытывать, – засмеялся Егор. И мы быстрым шагом двинулись к зданию. – Не переживай, Пороховников вошел в эту дверь всего полминуты назад.

– Не может не радовать, ведь только нареканий мне сейчас не хватало. Такое дело, такая ответственность, у меня мозги скоро вскипят! Всю ночь думала, думала, прокручивала снова и снова. Хорошо тебе с твоим душителем, есть живая свидетельница, а у меня полный тухляк. Потому это дело мне и подсунули.

– Не потому... – Лунев кашлянул, открывая передо мной дверь. – Прошу вас.

Я шагнула внутрь, отметив про себя, что сегодня его джинсы и рубашка с закатанными рукавами, обнажающими белую кожу рук, казались нелепыми на фоне стягивающихся со всего города к морю полураздетых людей, почуявших приход настоящего тепла.

– Варвар, у меня тут...

– Слушай, – перебила я, – у меня сестра пьяная на машине гоняет, права, похоже, купила. Что делать?

Я пропустила Егора вперед. Не люблю, когда мужчины поднимаются по лестнице следом за мной и пялятся, куда не следует.

– Ну... – Он взъерошил аккуратно уложенные на макушке пряди каштановых волос. – Если купила, это ведь не значит, что они фальшивые. Наверняка все по закону. – Он ступил на лестницу и обернулся. – Настучать хочешь?

– Не знаю. – Я подтолкнула его. – Шевелись, а то опоздаем.

– Да у меня...

– И еще, – снова перебила его я. – Есть вопрос по одному делу. Схожу, конечно, к экспертам, но может, ты подскажешь. Если тормозные шланги перерезать, лампочка ведь замигает? Водитель точно заметит. А что, если просто надрезать? Тормоза ведь не сразу пропадут? Как раз в пути?

Лунев снова резко обернулся ко мне. Преградил дорогу, наклоняясь к самому лицу.

– Опять дело отца мусолишь? – На меня приятно пахнуло лосьоном после бритья и мятной зубной пастой. – Машины уже нет, криминалист, который изучал ее, давно помер. Варь...

– Но ведь тело не найдено...

– Варь!

Сильные руки неожиданно мягко легли на мои предплечья, привлекли к себе.

– Мне нужно знать, понимаешь? – произнесла я, сглотнув.

– Мы с тобой уже обсуждали... – взволнованно прошептал Егор, наклоняясь все ближе к моему лицу.

Я подняла руку, поправила очки.

– Знаю...

Его грудь высоко вздымалась от частого дыхания.

– У тебя сейчас есть проблемы важнее, поверь.

Мне пришлось отклонить голову назад, так меня смутила неожиданная близость его губ.

– Ты о чем?

– Если бы ты давала людям договорить, уже бы знала.

Мимо нас вверх по лестнице, поздоровавшись, прошли знакомые ребята-опера. Мы отошли друг от друга на шаг.

– Вот. – Достав из заднего кармана джинсов свернутый кусок газеты, Егор протянул его мне.

Я развернула газету и замерла, увидев свою фамилию. Быстро пробежала глазами статью.

«Жители города обеспокоены... Следственный комитет бездействует...»

«Назначен некомпетентный молодой следователь...»

«В производстве следователя Комаровой ранее находились дела о бандитизме, незаконном обороте оружия, причинении тяжкого вреда здоровью в составе группы...»

«Как можно было доверять...»

«Неужели не нашлось кого-то опытнее?..»

Что? Что?!

Я медленно подняла глаза и уставилась на Лунева. По спине пробежал холодок.

– Какого черта? – Я еще раз взглянула в газету. Сегодняшнее число. Подпись «Аарон Грин». – Это... Как так? Это я – некомпетентная?! – И я перешла на шепот. – Почему именно меня решили с грязью смешать?! Да кто он вообще такой?! Или такая?

– Никто его не знает, кроме нашего Пороха. – Егор взял меня за руку и потащил вверх. – Успокойся, Комарова. Не поддавайся на провокации, журналисты всегда так делают.

– Да это не провокации, это клевета!

– Все будет нормально, не бойся.

– Егор! – Остановив уже на этаже, я развернула его к себе. – Ты хоть понимаешь, какой это удар по моей репутации? Да меня же выставили на посмешище! Сейчас весь город будет наблюдать за каждым моим шагом!

– К тебе и так пристальное внимание потому, что Порох доверил тебе это дело.

– Кто он такой, этот Грин?

Лунев виновато улыбнулся и пожал плечами:

– Никто не знает.

– В смысле? – отчаянно взмахнула я руками.

– Вот так. Только Порох и знает. Потому что они общались, когда мэра сажали. Этот Грин накопал на него компромат. Он же у нас в городе вроде как народный мститель.

– Кто? – Мне уже не хватало воздуха от возмущения.

– Да. Методы у него, скажем, не самые приятные: заснял прокурора области в сауне со шлюхами, так говорят, что сам их и подослал. А судью снял, когда тот пьяным из машины на ходу мочился. Не помнишь? В прошлом году все обсуждали.

– И оно было в этой газете?

Вот я попала! Где-то в желудке неприятно заныло.

– Ага. – Егор коснулся пальцем кончика моего носа. – Не дрейфь, это всего лишь заметка, Комар, ее никто и не прочтет.

Я покачала головой.

– Это унижение...

– Варь, это просто повод доказать, что ты – лучшая!

Неуверенно кивнув, я убрала газету в сумку и поплелась следом за Луневым.

– А где эта газета продается? – спросила я с надеждой.

– Она не продается. – Егор, обернувшись, сделал гримасу. – Ее бесплатно разносят по почтовым ящикам...

Значит, все уже знают. Мне конец.

– Какого х...

Не успела я договорить, как из кабинета подполковника Пороховникова вдруг послышалось вежливое:

– Варвара Николаевна, как раз вовремя, мы тебя ждем. Заходи. – Иван Дмитрич махнул мне рукой.

Застыв на месте, я попыталась втянуть в легкие ставший вдруг слишком вязким воздух. Почувствовала робкий толчок в спину от Лунева и, выпрямив спину, вынужденно шагнула навстречу пропасти.

– Ты проходи-проходи, капитан, поделись со своей опергруппой мыслями по делу...

4

Вечер принес прохладу. Ветер дул с севера, солнце же не спешило за горизонт – светило так ярко, что при взгляде на него слезились глаза. Асфальт, омытый редким для начала апреля дождем, уже подсох. Деревья, пробудившиеся от долгого сна, бодро шумели ветвями. Курортный городок в полную силу дышал весной, заставляя всех приезжих улыбаться.

Наплыв туристов наблюдается в наших краях обычно с мая и длится до конца октября, но уже сейчас, когда идет чистка пляжей после зимы, можно видеть снующих повсюду людей с фотокамерами. Скоро центральный пляж запестрит аттракционами, многочисленными кафе, откроется дайвинг-центр, на причале будут десятками швартоваться прогулочные катера, предлагающие недорогие морские круизы. Санатории и детские лагеря примут своих посетителей. А пока – самое чудесное время.

По правде говоря, я живу в прекрасном месте. Чистое, без водорослей, прозрачное голубое море, укрытое от ветров и быстрых течений мысом Добрый. Климат у нас сухой и мягкий. Огромное количество пляжей: песчаных, галечных, диких – с крупногалечной насыпью или камнями. Здесь тихо и спокойно, поэтому отдых в таком месте предпочитают пожилые пары и семьи с детьми. Для их удобства все побережье застроено базами отдыха, гостевыми домами, отелями. Повсюду располагаются уютные пляжи, кафе с русской, кавказской, азиатской кухней. И кругом, куда ни глянь, живописные красоты – в общем, рай для туристов, ценящих спокойный отдых у теплого и ласкового моря.

Я купила в магазине бутылку белого вина, готовый салат, запеченного окуня и поехала домой. Нам с Альбертом есть что отметить. Мы в начале долгого и интересного пути. Думаю, он не очень расстроится, когда узнает, что у меня не было времени собрать вещи, ведь торопиться нам некуда – вся жизнь впереди. Успею еще переехать к нему в квартиру. А может, сразу и в новый дом с видом на бухту, если удастся быстро взять ипотеку. До чего же приятно мечтать, оказывается!

На работе сегодня был нереально сумасшедший день, но мне удалось это выдержать. Я чувствовала себя теперь почти железной леди. Сначала подполковник Пороховников одобрил все мои поручения для оперативной группы, затем, уже наедине, призвал не волноваться по поводу газетной заметки. Тем более что никаких серьезных обвинений в мою сторону журналист Грин не выдвигал. «Пусть себе твякает», – сказал Порох, и это меня слегка успокоило. Правда, ненадолго.

В таком серьезном деле вести борьбу со злодеем под пристальным вниманием прессы – не самое приятное, это раздражает и отвлекает. Мы ведь не Коломбо и не Пуаро, а простые следователи, взявшие на себя ответственность и обязательства делать все возможное, чтобы восторжествовала справедливость. А газетчикам вечно подавай невозможное, чтобы было непременно как в кино – вычислить преступника благодаря почти космическим технологиям, выследить и поймать без единого выстрела. И чтобы все за пару часов. Тогда они будут довольны.

Позавчера в Старом парке было найдено тело пятнадцатилетней девочки с перерезанным горлом, многочисленными ссадинами и ранами. Света Максимова пропала несколько дней назад из детского дома, воспитатель учреждения опознала ее тело. Сообщила, что та часто попрошайничала на автовокзале. В карманах погибшей действительно оказалось множество монет и несколько сигарет. Судмед сообщил, что жертва была изнасилована. Поработав с архивом, я смогла отыскать еще одну погибшую.

Тело девушки нашли зимой у канала возле парка. Труп мало годился для опознания, хорошо сохранилась лишь одежда. Ее описание соответствовало той, что была на пропавшей

туристке из Омска – Ольге Зуевой. По заключению экспертов девушка утонула около двух месяцев назад. Происшествие было признано несчастным случаем, дело закрыто.

Примерно одинаковый возраст жертв, сходная внешность (светлые волосы, хрупкое телосложение) и близость места гибели жертв позволили объединить дела. Порох назначил меня старшей. Я проинформировала о произошедшем все отделы полиции области, отдала распоряжения допросить родственников, друзей и знакомых погибших, исследовать возможный маршрут перемещения Светы Максимовой, а сама обгрызла ногти до мяса, пытаясь решить, в каком направлении дальше двигаться, ведь у нас не было ни свидетелей, ни орудия преступления.

«Хорошо бы еще научиться переключаться и не думать о работе дома! Совсем было бы замечательно». С этими мыслями я отворила дверь и неслышанно обрадовалась, увидев в коридоре ботинки Альберта. «Приехал!»

– Я дома! – радостно провозгласила я на всю прихожую, повесив сумку на крючок. – Только не ругайся, вещи еще не собрала, но у меня есть оправдание – слишком много работы. Альберт? Ты где? – Я сняла туфли и прошла на кухню. – Привет...

Он сидел, облокотившись на стол. В строгом деловом костюме, видимо, только из офиса, элегантный и подтянутый, как всегда. Правда, немного уставший, но с тщательно уложенными светлыми волосами, благоухающий свежестью парфюма. Жених смотрел на меня своими прозрачными, как море, голубыми глазами и молчал. Ужасно захотелось поскорее обнять его, прижаться к нему.

«Неужели вот так буду встречать его всякий раз, возвращаясь домой? Та-а-ак здорово!»

Сделав шаг вперед, я неохотно остановилась. Некоторые детали заставили обратить на них особое внимание. Ключи от моей квартиры, лежавшие посередине пустого стола, легкое напряжение, повисшее в воздухе, тяжелый вздох при виде меня – странные тревожные признаки сбили мой радостный настрой.

– Ты почему не отзываешься? – улыбнулась я, поставила на стол покупки и, наклонившись, прикоснулась губами к его щеке.

Та оказалась на удивление холодной. Ответа не последовало.

– Что-то случилось? – Пытаясь отыскать в его глазах хоть какие-то ответы, я тяжело опустилась рядом на стул.

Легким движением руки жених подвинул ко мне связку ключей.

– Варвара, нам нужно поговорить.

Что-то внутри меня треснуло. Показалось, что теряется ощущение реальности происходящего. У меня не так много было отношений, но что значил подобный тон, легко можно догадаться.

– Слушаю внимательно. – Я вдохнула, выдохнула, стараясь сохранять спокойствие, откинулась на спинку стула.

«Пусть это будут проблемы с бизнесом, с деньгами, да хоть с чем, лишь бы не то, о чем вдруг подумалось», – мысленно взмолилась я.

Он скрестил руки на груди, прокашлялся и скользнул взглядом по окну, за которым горящий красным солнечный диск медленно полз за горизонт. Лицо его заблестело от пота. Альберт выдохнул и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Мы с тобой... немного поторопились.

«Вот как? Ох...»

В кончиках пальцев покалывало, в горле встал ком, не было сил выдать хотя бы полслова.

– Знаешь, – взглянул он на меня из-под тяжелых бровей, – мне ужасно стыдно за то, что так получилось. Но я все взвесил и понял, что эта внезапная помолвка, решение съехаться и пожениться – все это слишком опрометчиво и необдуманно. Согласна?

Я бесстрашно посмотрела ему в глаза. Просто застыла. Ни единого слова, ни движения. К чему разговоры? Что сказать? Что сделать? Просить его снова все хорошенько обдумать? Отложить свадьбу? Ответить, что понимаю его? Все бы ничего, но для женщин это немного другое. Альберт сам настоял на знакомстве с родителями, пышной свадьбе и белом платье. Сам позволил мне задуматься об этом и начать мечтать, а теперь... вот так... Да это просто плевок в лицо!

Он играл желваками на скулах:

– Ты, как всегда, в своем репертуаре. Я пришел попрощаться, собрать сумки, объяснить тебе все, а ты даже не реагируешь. Хоть бы слезу пустила.

Я цинично усмехнулась:

– *Это* и есть реакция.

– Вот! – Теперь уже явно бывший жених вдруг вскочил и принялся размахивать руками. – Ты вечно так! Как робот! Нет бы наорала, расплакалась, а так только подтверждаешь мои мысли. Ты вообще что-нибудь чувствуешь?!

Я сглотнула, подняв подбородок. Он нависал надо мной, краснея от бешенства. Ему очень не хотелось быть виноватым. Он ждал от меня каких-то слов, действий, истерики... Но мне всегда больше нравилось сохранять хладнокровие и чувство собственного достоинства.

– Вот именно! Вот! Хотел поговорить по-человечески, а она... – Альберт нервно расстегнул пиджак и набрал побольше воздуха в легкие. – Варя, ты должна меня понять. Мы еще не женаты, а видимся крайне редко. Ты же почти не бываешь дома. И не готовишь мне.

– Так дело в этом? – изумилась я, опуская плечи.

Он выдержал паузу, словно решая, высказаться или нет.

– Я терпел. Но... Но ты... Посмотри, сидишь сейчас, будто тебе и дела нет до того, что я говорю. Пытаешься казаться непробиваемой, хотя внутри обыкновенная... – Он всплеснул руками. – Зануда! Затюкала меня своей идеальностью. В «Макдак» с тобой не сходишь, одно чертовое правильное питание. Да мне тошнит уже от всего отварного и парного! Все выходные тратишь на то, чтобы тщательно протирать хреновы жалюзи. – Он подошел, дернул за веревку, обрушив вниз тщательно собранные до этого створки металлической шторы. – Кому это надо? Кому? Ты окна, наверное, двенадцать раз в год моешь. Ты на работе мало устаешь? Я не могу так, меня тошнит от этой идеальности. Варя, с тобой даже потрахаться нельзя, пока ты красиво постель не застелешь!

Краска ударила мне в лицо. Я медленно выдохнула, не веря, что губы, которые мне так нравилось целовать, произносят сейчас эти слова. Никогда не видела его таким. Нервным, испуганным, будто загнанным в угол. Выкрикивающим *такое*... Неужели, это все я виновата? Довела его...

– Знаешь, что будет, если стакан поставить на стол без подставки? – Альберт замолчал, прожигая меня своим ледяным взглядом. – Ты хоть раз видела свое лицо? А? Что будет, если поставить кружку с чаем на стол?

– Ничего. – Я облизала губы.

Первая попавшаяся кружка с грохотом обрушилась на стеклянную столешницу.

– Давай проверим, – прищурился Альберт, откидывая назад полы пиджака.

Я стиснула зубы, отчаянно подавляя в себе желание покачать головой, достать из ящика стола подставку или салфетку и подложить под кружку. Но ведь это обычное, совершенно нормальное желание человека сохранить мебель, разве нет? Это же не занудство?

Я почесала шею и сложила пальцы в замок.

– И что ты хотел мне этим доказать?

Гадкая кривая ухмылка появилась на его губах.

– Еле сдерживаешься, да? Так и подмывает сделать мне замечание? Да с тобой невозможно: это туда не клади, сюда клади, это мыло для рук, это для лица, это для тела! Да может,

я с детства привык одним мылом и лицо, и задницу мыть?! Может, я хочу воду пить не из фильтра, а прямо из-под крана и ходить по дому без тапочек? И я ненавижу, ненавижу закрываться шторкой, когда моюсь под душем! Может, мне нравится, когда вокруг летят брызги, и особенно на зеркало? Не задумывалась?

Несколько секунд я сверлила взглядом его лицо, совершенно искренне не понимая, что могло вызвать такую бурю эмоций у, казалось бы, спокойного и уравновешенного человека, а потом опустила глаза на стол, где лежали ненужные теперь ему ключи от моей квартиры.

– Ты мог просто сказать: «Варя, я тебя не люблю». – Я устало вздохнула. – Вместо этого выбрал самый отвратительный способ. Не понимаю, зачем нужно было терпеть, если тебя все это так задевало? Сказал бы прямо. Да, у меня непростой характер, признаю. Со мной нелегко...

– Нелегко? – Его голова склонилась набок. – Варя, да ты же помешанная! Не переставляешь в доме вещи и другим не даешь. Оглянись: у тебя даже приправы стоят строго в ряд, по размеру и этикеткой наружу. Все должно быть расположено идеально – так, как тебе удобно, ни миллиметром ниже, ни выше. Здесь же нет места для меня. – Полупрозрачные глаза уставились на меня непонимающе. С гневом и отвращением. – И я не хочу, чтобы ты пришла в мою квартиру и навела там *свой* порядок. Хочу бросать вещи там, где мне нравится, хочу жить, как привык, хочу сексом заниматься, когда пожелаю, а не когда моя девушка настолько идеальна, что скрипит от чистоты! Понимаешь, о чем я? – Он мерзко усмехнулся. – «Нет-нет, Альберт, только не с утра, я еще зубы не почистила, нет-нет, не сейчас, я еще не приготовилась ко сну и не приняла позу мумии!»

– Как ты можешь? – Я замерла на выдохе.

Тело мое натянулось, как струна. Ноги приросли к полу, руки одеревенели.

– Да ты же никого не слышишь и не даешь договорить! – Альберт выпрямился и поспешно застегнул пиджак. – Только ты всегда права, других мнений не существует. Да? Для тебя никогда не будет ничего важнее твоей работы! Я думал, что привыкну, но не вышло. Прости. – Круто развернувшись, он направился к двери и остановился в проходе. – Дело не в тебе, просто нам не по пути.

– Не во мне? – спросила я, глядя перед собой. – Ты сам себя слышал? Почему решил все это *сейчас* на меня вывалить? – Я повернулась к нему, посмотрела в глаза. – Еще говорил, что любишь такой, какая есть...

– Ошибался. – Альберт стряхнул с пиджака невидимые пылинки и вздохнул. – Ты скучная, предсказуемая и... никогда не совершала безумств.

– Да, мы разные, но...

– Строишь из себя каменную, а на самом деле просто... – Он отвел взгляд в сторону. – Просто... все наоборот.

«Тряпка? Знаю. Потому что мне сейчас хочется упасть на колени и просить тебя не уходить. Умолять остаться», – подумала я.

– Альберт, – я изобразила подобие улыбки, – ты сейчас ни слова не сказал про любовь. Зачем же встречался со мной тогда? Замуж предложил? Хоть что-нибудь ко мне чувствовал?

Он посмотрел так, будто желал поскорее от меня избавиться. Как на назойливую муху, не иначе. Взглянул на часы, цокнул языком.

– Прости меня, Варя. – Он пожал плечами. – Что все вот так, что обидел тебя... Просто... открылись глаза, понимаешь?

– Просто так не бывает. – Я выпрямилась, подумав: «Должна быть причина, жаль не знаю, какая именно».

Он закатил глаза и устремил в потолок усталый взгляд.

– Мы же с тобой даже не видимся, а мне хотелось быть вместе, путешествовать... И я так не смогу. Не смогу принять тебя с твоими тараканами... это не для меня. Извини.

Альберт круто развернулся и быстро скрылся в коридоре. Я поднялась, чувствуя, что теряю почву под ногами. Сделала шаг и остановилась, заметив в его руке сумку. Видимо, собрал заранее свои вещи. Все решил.

– И это все? – спросила я тихо.

– Не переживай, – проронил он, надевая обувь, – залог за банкет я сам заберу. Все улажу. – Он закинул сумку на плечо. – Прощай.

Я отвернулась. Хлопок двери прозвучал как выстрел. Тишина буквально рухнула мне на голову. Подойдя к раковине, я включила холодную воду и сунула под нее руки. Хотелось кричать, плакать, сделать себе больнее, но все тело будто застыло.

Внутри бушевал настоящий ураган, но выпустить его наружу не было сил. Я никогда не умела давать выход своим чувствам. Просто стояла, почти не дыша, и молча наблюдала, как ледяная вода скатывается по коже, отзываясь дикой болью в суставах.

Дыши, дыши. Вот сейчас станет легче.

Что это вообще было? Может, стоит отмотать назад? Начать с того момента, когда счастливая невеста спешит домой, чтобы отметить помолвку легким ужином со своим любимым? Или вернуться на час назад, когда она мечтала, что через два месяца станет женой этого красивого молодого человека? Когда верила, что он всю оставшуюся жизнь будет носить ее на руках.

Как же глупо...

Что это было? Почему он все это сказал? Даже не верится.

Звук шагов в прихожей заставил меня вздрогнуть. Вернулся! Наверное, все еще можно исправить, ведь он просто испугался, погорячился, нужно только поговорить нормально. Главное, не стоять столбом. Хочет, буду неряхой, стану творить безумства, забуду на работу. Если он меня любит, все еще можно исправить. Ну, кто не переживает перед собственной свадьбой? В принципе, у нас ведь все было хорошо.

Я обернулась, с надеждой глядя в его глаза. Альберт казался запыхавшимся и растерянным. Он замер на пороге кухни, такой обескураженный, смущенный. И я почти с облегчением выдохнула, когда вдруг услышала:

– Кольцо... – Он закусил губу, явно испытывая неловкость. – Бабушкино кольцо... Я бы хотел... Ну, ты понимаешь?

Он замялся, глядя на воду, стекающую с моих рук прямо на пол.

– Конечно. – С гордым видом я сняла с дрожащего безымянного пальца колечко с аккуратным маленьким камешком и положила ему на ладонь.

Не став дожидаться нового неловкого прощания, я отвернулась к раковине. Закрыла воду и под звуки удаляющихся шагов принялась растирать руки полотенцем докрасна.

Только бы отпустило.

Ощущение было такое, будто голова вот-вот взорвется. В висках звенело, шум нарастал. Ухватившись рукой за край раковины, я бросила взгляд на недоумевающего Василия, испуганно выглядывающего из-под стола. Шатаясь, подошла к окну. Хотелось просто посмотреть, как он уходит. Как с ним вместе меня покидают мечты и планы. Поверить в это наконец, ведь разум упорно отказывался понимать и принимать произошедшее.

Что же с тобой не так, Варя? Ты даже толком с ним не поговорила. Не сказала, что любишь. Не спросила, любит ли он. К черту свадьбы, если люди все-таки хотят быть вместе...

Я ровно и аккуратно развесила полотенце на спинке стула и только потом стремглав метнулась к двери, убежала в подъезд, перегнулась через перила и крикнула:

– Альберт!

Все. Еще. Можно. Исправить.

Уже громче:

– Альберт!

Пожалуйста. Вернись.

Из последних сил:

– Альберт!

Мой крик гулким эхом оттолкнулся от стен. Сзади что-то щелкнуло. Наверное, дверь. Я все всматривалась в темноту лестничных пролетов, пытаясь ухватить взглядом хотя бы его тень. Но внизу уже никого не было. Он ушел. Просто взял и ушел.

Как так?!

Неужели кажущееся таким прочным и надежным может исчезнуть в один миг, словно по щелчку пальцев?

– А, это ты! – донеслось вдруг из-за спины. Я обернулась. На пороге квартиры напротив показалась молоденькая девчонка. – А я уж думала, что какому-то художнику плохо. Мольберт потерял.

– Нет, это я. – Тяжело дыша, на негнущихся ногах я поплелась к своей двери. – Простите. – И опустила голову.

– Кто там? – слышалось из ее квартиры.

Дверь распахнулась шире.

Девчонка усмехнулась, оглядывая меня, и бросила кому-то:

– Соседка наша.

– Та, которая надменная?

Она, опершись о косяк, хихикнула:

– Ага. Она.

5

– Не поняла. Это кто здесь надменная? – спросила я и инстинктивно схватилась за ручку двери своей квартиры, боясь, видимо, развалиться на части и упасть. Осколки слов, брошенных в меня Альбертом, все еще больно впивались мне в сердце. – Я, что ли?

Глаза соседки сузились.

– Ты, ты. – Девушка теперь смотрела обеспокоенно. – Не здороваешься ни с кем. Но это не твоя вина, конечно, а родителей. Воспитали, видимо, плохо.

– Так я ж не знаю здесь никого, – пробормотала я, разглядывая в темноте ее странноватый прикид. Блестящие черные волосы десятками длинных тонких косичек лежали на плечах, густо накрашенные брови выделялись на фоне бледного лица ярким пятном. Колечко в губе, белая майка, рваные джинсы. Телосложение подростка. На вид ей было лет восемнадцать, не больше. – Вот и не здороваюсь, – продолжила я, пожав плечами. – И вас первый раз вижу. Уж простите.

Она несколько раз сомкнула и разомкнула челюсти, перемещая во рту жвачку – так виртуозно и быстро, что это мне напомнило вращающуюся бетономешалку с гравием. Голос ее грохотал в тишине подъезда примерно с тем же звуком.

– Ага. Сколько здесь живешь-то? – Она посмотрела на меня оценивающе. – Мы с Никой уже год здесь обитаем, тебя видим постоянно, а ты проходишь мимо и дальше своего задранного носа не видишь.

– Да-да, – подтвердил из недр квартиры чей-то писклявый голосок.

Я выдохнула. В голове все еще паникой пульсировали удаляющиеся шаги Альберта. Перед глазами стояла его ладонь, мокрая от влаги, сжимающая колечко и прячущая его в карман брюк.

– Девушка, да я вас первый раз вижу! – Мой отчаянный возглас разрезал горло, как самый острый клинок.

Девчонка охнула и взмахнула волосами:

– Вроде очки носит, а все равно никого не замечает!

– Хорошо. – Я кивнула, пытаясь переплавить боль в ярость. – Я поняла – вы мои соседи. Будем знакомы. И извините, если обидела. Мне пора.

Я развернулась к собственной двери, надавила на ручку и... ничего не произошло. Навалилась плечом. Что за день! Так припустила за женихом – язык не поворачивался называть его бывшим, – что забыла о расшатанном замке. Опять закрылся. Я со всей силы ударила ладонью по дверному полотну. Черт! Как же больно! Ой-ей-ей! И как назло, открыть ее мог бы только... Альберт.

Голова опять закружилась.

– Что? Дверь захлопнулась?

– Черт! – воскликнула я, упираясь лбом в злосчастную деревяшку.

– Ясно. – Моей спины коснулась чья-то рука, заставив вздрогнуть. – Ты это, заходи давай. Мы сейчас Жентосику позвоним, попросим с дверью помочь.

Я обернулась:

– Кому?

– Да не важно, приятель это наш. – Девчонка отмахнулась, отступая назад, в квартиру, и поманила за собой. – Заходи.

Решив, что хуже уже не будет, я сделала робкий шаг в неизвестность.

– Привет! – По голосу – та самая пискля.

Я повернула голову. В центре единственной комнаты стояло кресло, в нем сидела тощая блондинка в розовом топе и джинсовых шортах. Светлые волосы, стянутые в хвостик, такие

же светлые, почти бесцветные ресницы, по-детски тонкие ручки и ножки. Выглядела она еще моложе своей подружки.

– А ты чо орала-то на весь подъезд? – Она поставила на столик кружку и скрестила руки на груди. – Случилось чо?

Теперь, прошлепав босиком, как была, в гостиную, я могла оценить скудную обстановку помещения. Диван, кровать, шкаф, стол с ноутбуком, возле которого сидела блондиночка, кресло, занимаемое ею же, и маленький журнальный столик в центре, уставленный нехитрой закуской: бутербродами, маринованными овощами и парой пирожков.

– Нет, – ответила я, бросая взгляд за окно на красные разводы в темнеющем небе.

– А чего бледная такая? – Девчонка с косами подтолкнула меня к дивану. – Вон, глаза даже закатываешь. – Она вытянула губы трубочкой. – Ого, ну-ка садись! Дыши. Воды дать?

– Ты зачем ее притащила? – Вторая соседка покачала головой. В ее ухе блеснула гарнитура и тоненький стебелек микрофона. – Ща очочурится, а нам труп прятать или с копами объясняться!

Чернявая уже порхала вокруг меня, обмахивая журналами:

– Подожди ты, ей реально плохо. – Она улыбнулась. – Тебя как хоть звать-то, соседка?

Я рассеянно подняла на нее глаза:

– Ва-ря...

И продолжила падать куда-то в пропасть собственного сознания. Впитывать в себя все произошедшее: неожиданный разговор, обидные слова, резкие взмахи руками, торопливые шаги в прихожей.

– Меня Вера, – представилась девчонка, прикладывая руку к груди, – она – Ника. Мы вообще-то обе Вероники, но не суть. Итак, Варя, что случилось?

Ее взгляд загорелся, мой – потух. Что я вообще здесь делаю? И почему совершенно нет сил, чтобы встать, уйти и придумать, что делать?

– Ничего, – отрешенно сказала я.

Блондинка прокашлялась, наблюдая за нашим общением.

– Да говори уже, вижу, что плохо тебе. – Невзирая на то, что журнальный столик был заставлен закусками, брюнетка села прямо на его край.

Была не была!

– Жених ушел, – прошептала я, надеясь, что никто не услышит.

Но та, что сидела в кресле, тут же присвистнула:

– Бросил что ль?

Нужно быть сильной.

– Да.

Мой желудок начал выделять трюки. Судя по ощущениям, сжался, разжался, скрутился в дугу.

– Это тот упырь? – хохотнула блондинка и прикрыла рот рукой.

Любительница косичек грозно взглянула на нее:

– Ника!

Мои руки задрожали.

– Какой упырь? – спросила я, оглядывая обеих.

– Ну, тот блондинистый, что к тебе ходил, – смущенно ответила светленькая и прикусила губу. – Глаза, как у инопланетянина, мутные такие, уши острые, глядит вокруг, как голодный. Того и гляди набросится, чтобы крови напиться.

Я поморщилась, напряженно пытаюсь сообразить, что общего у Альберта с этим описанием.

– Не слушай ее, – улыбнулась Вера. – Ее языком можно улицы подметать! Ушел, значит? Второй раз отвечать уже легче:

– Да.

– Ясно тогда, почему тебе так плохо. – Она встала. – Подожди, выпить принесу.

– Спасибо. – Я кивнула. – Воды без газа, пожалуйста.

Эти мои слова почему-то заставили Нику рассмеяться. Девчонка даже сделала один оборот вокруг своей оси на кресле.

– Ха-а, наивная!

Вера тоже почему-то хихикнула, быстро сбегала на кухню и вернулась с бутылкой водки и тремя рюмками:

– Тебе сейчас чего покрепче полагается. – Она поставила горячительное на стол, открыла и разлила. – На, пей. И мы с тобой за компанию, чтобы не страшно было.

Теперь возле моих коленей на краю столика стояла аккуратная маленькая рюмочка со сползающими по стенкам капельками влаги.

– Нет-нет! – Я резко вскинула руки.

Еще чего! Пить в незнакомом месте с малознакомыми людьми? Нет уж. Хотя этим же малознакомым личностям я только что открыла тайну, которой у меня не сразу бы хватило духу поделиться даже с матерью. М-да...

– Пей-пей, училка! – воскликнула Ника, потянувшись за своей рюмкой и поставив ее ближе. – А то сейчас в обморок бахнешься. Пей. Сразу легче станет.

Я выпрямилась и сложила руки в замок.

– Я такое не пью.

Прозвучало достаточно решительно. И брезгливо.

– Ох, ну, прости, «Джек Дэниэлс» не держим, – усмехнулась она.

– Представь, что это лекарство, – мягким тоном произнесла Вера. – Тебе сейчас выпить нужно и проплакаться, а ты сидишь с выпученными глазами, будто хочешь откинуть копыта прямо здесь.

Я потрясла головой.

– Ты вообще реветь умеешь? – тарасилась на меня Ника. – Поплачь, легче станет.

– Не знаю, – честно призналась я.

Та прямо подскочила в своем кресле:

– Что значит «не знаю»? Ты когда в последний раз плакала, мать?

Мои плечи заходили ходуном.

– Не помню.

Вера охнула, дыхание вырвалось из нее резкими толчками:

– Тяжелый случай. Ника, это, похоже, твой клиент.

– Подарок судьбы! – Блондинка молитвенно сложила ладони. – Только учиться начала, уже объект для практических работ нашла.

Мне стало не по себе:

– Девушки, вы о чем?

В руках у Веры появилась вилка.

– Ты не переживай, соседка. – Она насадила на нее огурчик и протянула мне. – Ника у нас на психолога учится. Правда, только на втором курсе, но прогресс уже заметен. Ты не бойся, она в башке не сильно копается, зато совет дельный может дать, если ты ей все расскажешь.

Я взяла огурец и застыла, вдыхая острый запах маринада.

– Что расскажу?

– Про багаж свой, – с видом знатока произнесла блондинка. – Как до такой жизни дока-
тилась.

Я громко вздохнула, отложила огурец на тарелку и встала.

– Так, послушайте. Я, наверное, пойду. У меня только что личная трагедия случилась, и мне совершенно не до этого *всего*. – Я взмахнула руками, пытаюсь подобрать нужные слова.

– Да погоди ты. – Вера вскочила. – Чо, обиделась? Не обижайся. – Она бросила злой взгляд на подругу. – Блин, Ника, вежливее нужно с людьми, это я тебе как педагог будущий говорю. – Она повернулась ко мне и мягко усадила обратно. – Слушай, Варя, прости ее. Ну куда ты сейчас пойдешь? Под дверью заседать всю ночь будешь? Что-то мне подсказывает, что тебе даже позвонить некому, чтобы выручили.

Мне бы и хотелось отключить эмоции, как обычно, но выходило все хуже. Я опустила голову:

– Ну...

– Вот! – обрадовалась Вера. – Посиди пока с нами. Вечер, пятница. Мы хоть и на работе, но отдыхать не забываем. Сейчас позвоню Жентосику, он поможет дверь твою вскрыть. – Она вздохнула. – По тебе ж видно, что ты девчонка неплохая, немного заблудившаяся, слегка раненная жизнью. Мы тебя сейчас по-соседски живо в порядок приведем. Зуб даю, выпьешь и полегчает. Давай.

Ника поерзала в кресле:

– Поддерживаю. И это... Прости, если чо...

– Да, пей, давай, и я с тобой. – Вера вложила мне в руку рюмку. – А там, глядишь, и на слезы пробьет. А где слезы, там облегчение. Точно тебе говорю. Копить все в себе – только болезни зарабатывать. Нужно дать чувствам свободу, отпустить их на волю. Ты пей-пей, а я пойду позвоню Жентосику. – Она встала и скрылась на кухне.

Крепко обхватив стеклянную емкость и решительно поднеся ее к губам, я принялась пить содержимое маленькими глотками. Дыхание почти сразу же вырвалось у меня из рта огненным облаком. Глаза заслезились, гортань вспыхнула, кашель накатила изматывающими тяжелыми спазмами.

– Ой, да не так! – Ника, соскочив с кресла, легонько похлопала меня по спине. – Ох, ты ж бедная! – Она села обратно, дождалась, когда я вытру слезы, взяла рюмку и подняла перед собой. – Смотри, как надо: выдыхаешь, залпом опрокидываешь и огурчиком занюхиваешь. – И тут же проделала это. – А там уж можно и закусить. – Она покачала головой. – И откуда ж ты такая взялась?

– Из дома, – пробормотала я.

– Ясен пень. – Она резко выпрямилась. – Прости, мне нужно ответить. Работа зовет.

– Хорошо.

Девушка откатилась на кресле к окну, расправила плечи, нажала что-то в ноутбуке и, закинув ноги на стол, произнесла несвойственным ей низким и хриплым голосом:

– Да. Привет, сладкий. Чем занимаешься? Нет, не уходи. Я не отпущу тебя. Вечер только начинается. – Она так широко улыбалась, глядя куда-то за окно, где вдалеке волны облизывали берег, что мне стало тепло и радостно за нее. Хоть кому-то было хорошо. Хоть кому-то звонил любимый.

Я налила еще рюмку и уставилась на нее, вспоминая порядок действий. Как там? Опрокинуть залпом, занюхать, закусить?

– Мы с тобой только вдвоем, – мурлыкала Ника, растекаясь ленивой кошкой по креслу. – Нет? Втроем? – Она тихо засмеялась. – М-м-м... Как зовут твоего друга? Жора. Отлично. Какой ты большой, Жора. Ты сделаешь мне больно? Ох, да. А как хочешь, чтобы звали меня? Милана? Тебе сегодня повезло, малыш, ведь я и есть Милана.

Я выпрямилась и уставилась на нее. Что происходит?

– Подойди ближе, видишь, я вся мокрая? И рядом нет ни одного полотенца. Хочешь меня потрогать? – Ника, похоже, наслаждалась, закрывая глаза и рисуя пальцем узоры на стекле. – О-о-о, что? Банан?! Ну, хорошо. Люблю бананы. Сочные, твердые, спелые. – Она опять хохотнула. – Так и знала, тебя не обманешь. Недоспелые люблю, немного зеленоватые, да. Хотдоги? Да. С сосиской, горчицей, кетчупом. М-м-м, я прикусываю торчащий край сосиски. Да,

поджаренный. И майонез бежит по моим губам, чуть капает на подбородок. Касаюсь губами округлого кончика, осторожно, неторопливо. Это даже не сосиска – сарделька, толстая, датская. Окей, это деревенский хот-дог. Как скажешь.

Вторая рюмка оказалась не такой огненной. Видимо, услышанное действовало гораздо лучше: обжигало и накаляло разум похлеще горячительного.

Ника тем временем продолжала, лениво потягиваясь:

– Слегка приоткрываю рот, дотрагиваюсь языком, слизываю капельку майонеза вдоль кончика и за отодвинутой в сторону шершавой хлебной частью. Черт, а сосиска не подрагивает? А то без этого не вкусно. Да-а! Вот так, тогда нужно облизать ее прежде, чем продолжить. Могу держать ее в руке и специально заставляю подрагивать и даже чуть отводить в сторону, дразня. Встать на колени? С радостью. Дай провести по ней языком и чуть прихватить губами нежно и ласково, но одновременно жадно. Да, моими прекрасными припухшими губами. М-м-м, захотелось и хрустящую булочку попробовать на вкус. Ее корочка приятно щекочет язык. Попробую ее легкие неровности по всей длине. Может быть, самая вкусная часть та, что дальше от меня? Ох, да. Острота горчицы смешивается со сладостью кетчупа. Края булки неровные, но поддаются языку, становясь мягкими и гладкими. Могу до ночи их облизывать. – Вдруг она выпрямилась и открыла глаза. Бросила короткий взгляд на часы. – М-м-м, так быстро? Ну ладно. – Она недовольно наморщила нос. – Да. Обожаю тебя. Конечно, звони еще, пупсик. – И щелчком сбросила соединение.

Указав на нее пальцем, я вскочила:

– Это вообще законно? Тебе хоть есть восемнадцать?!

Она кивнула, расплываясь в улыбке:

– А ты что, из ментовки?

Я с яростью выдохнула:

– Вроде как. – И сжала ладони в кулаки.

– Вон как. – Девушка театрально упала на подлокотник и закрыла лицо руками. – Спасибо, Вера, ты бы мне еще налогового инспектора приволокла.

Я обернулась к появившейся в дверях брюнетке:

– Девочки, вы чем здесь вообще занимаетесь?

Та смущенно пожала плечами и села к столу:

– Это, понимаешь, такая... подработка. Мне двадцать, Нике – девятнадцать. С этим все нормально, все по закону. Просто мы на дневном учимся, а за квартиру платить нужно... И... – Она вздохнула, глядя, как я усаживаюсь обратно. – Мы помогаем людям снять стресс. Говорим, сочиняем, но главное в этой работе – слушать, ведь очень много одиноких и несчастных людей пользуются услугой «секс по телефону». Не все извращенцы и фетишисты, ты не думай.

– Боже... – Я почувствовала, что у меня не только щеки, но уже и уши горят от стыда.

Конечно, я видела в своей жизни и «хот-доги» и «бананы», но чтобы вот так *говорить* о них... *Вслух!* Это было выше моего понимания.

Вера склонила голову набок и попросила:

– Расскажи-ка мне лучше, что у вас с женихом приключилось.

И я рассказала. Слово в слово. Незнакомым мне людям. Первый раз в жизни. Не знаю, что почувствовала, но определенно стало немного легче.

– Серьезно это все, Варя. – Вера, разливая по рюмкам спиртное, качала головой. – Ясно, что для любящего мужика твои закидоны – это мелочи. Когда любишь, принимаешь человека, а этот твой, как его... Эдик? Роберт?

– Альберт.

– Свишня он просто. – Она скривилась.

– Чо тут непонятного? – вступила Ника. – Баба у него. Другая. Вот и все!

Я чуть не взорвалась, как надутый до предела целлофановый пакет. Нет. Не может быть, только не он. Альберт не такой.

– Баба? – пискнула я, чувствуя, как в желудке разливается тепло. – Нет, не может быть...

– Да не теряйся ты так, не ты первая, не ты последняя, кого из-за юбки бросали.

Вера наклонилась ко мне:

– Варя, дело не в тебе, просто *он* дерьмом оказался.

– Ну как не в ней... – каркнула Ника, складывая руки на груди. – И в ней тоже. – Она постучала пальцем по виску. – Ты, Верка, анализируй, что этот Эдик ей сказал.

– Альберт, – поправила ее подруга.

– Альбертик, да. – Блондинка тяжело вздохнула, оглядывая меня. – Видимо, разница между тобой и любовницей настолько бросилась в глаза, что его вдохновило на этот монолог. – Она повернулась к недоумевающей Вере. – Стало быть, та бабенка слишком уж отличается от нашей соседки. Наверняка развязная, раскрепощенная, сексуальная. – Движением корпуса она изобразила кого-то вроде секс-бомбы. – А ты уж, Варя, извини меня, но я тебе как будущий психолог скажу: ты не те сигналы подаешь мужикам. Вот эта какашка, которая у тебя к голове прилипла, ты ее когда-нибудь распускаешь?

– Ника! – вспыхнула Вера, сотрясая воздух кулаком.

– Чего? – переспросила я.

– Вот этот бублик, – блондинка указала пальцем на мой затылок, – похожий на собачью кучку. Лично я тебя без него и не видала ни разу.

– Н-нормальная прическа, – ответила я, заикаясь от возмущения. – Достаточно сдержанная, скромная, элегантная. И выглядит уместно в любых случаях.

Ника надула щеки и медленно выдохнула:

– Во, слышишь, как она разговаривает? Еще бы он не заскучал. Ты где вообще воспитывалась? Откуда у тебя такие застарелые комплексы? Небось, из детства родом? – Девушка вскочила, одернула вниз коротенькие шортики и прошла вокруг столика, виляя бедрами. – Мужчины же как любят? Чтобы женщина идет такая вперед, а волосы такие назад. Взмахнула ими, волосьями-то, и у него сердечко бедное – тадааааах, и пал к ее ногам. Сечешь?

– Нет, – обиделась я.

– Тяжелый случай. – Теперь Ника уселась рядом со мной. – Говорю, прическа у тебя швах. Вместо позвоночника будто швабра стоит, ты кажешься вечно напряженной. Зачем? Ты ж не балерина. Вроде девка красивая, но чтобы эту красоту откопать, столько всего надо перелопатить. А это не каждому мужику интересно, им ведь нужно немного помогать. – Она приблизилась вплотную и взглянула мне прямо в глаза. – Для начала иллюминаторы эти твои снять.

– Чего?

– Телескопы твои. – Она ткнула пальцем прямо в стеклышко очков. – Толщиной с палец. Ты же в них как крот!

Я сглотнула, отклоняясь назад.

– Ты про очки?

– А то, – подмигнула Ника.

– Нет. – Я решительно покачала головой. – Не могу.

– Почему? – хрюкнула от смеха блондинка. – Часть имиджа тухлой училки?

– Нет! – Я повернулась, ища поддержки у Веры. Та сидела, напустив на себя непонимающий вид. – Зрение у меня неважное.

Обе тяжело вздохнули.

– А линзы? – не унималась Ника. – Не слышала про них?

Я почувствовала себя загнанной в угол.

– С ними нужно возиться... Вдруг не подойдут...

- Все ясно, – твердо сказала она. – Ей срочно нужна терапия.
И снова разлила спиртное.
- Какая еще терапия? – пролепетала я, переводя взгляд с одной соседки на другую.
- Ника дело говорит, – закивала брюнетка. – Ты бы начала с общего курса, а там, может, и на продвинутый решилась бы. Мне вот помогло.
- Вы о чем?
- Мы сейчас про психологический практикум. – В глазах блондинки блеснул шальной огонек. – Вот скажи, ты что, правда никогда не совершала безумств?
- Вроде нет. – Я даже растерялась, силясь припомнить. – Нет.
- Не веселилась до упаду?
- Ну, не знаю...
- Танцы на выпускном считаются?
- Ясно. – Ника взглянула на меня как на пропащую и совершенно безнадёжную. – Курила, пила, принимала наркотики? Пробовала хоть что-то?
- Нет! – выкрикнула я резко.
- Как можно подумать про меня такое? Чтобы я... Да никогда!
- Ну, не знаю, – она задумчиво почесала затылок, – мужика хоть одного совратила за свою жизнь? Соблазнила, в смысле.
- Стыд овладел мной полностью.
- Это еще зачем?
- Во-о-от! – воскликнула Вера, поднимая рюмку. – Тебе точно нужна помощь Ники! Блондинка согласно кивнула и прищурилась:
- Варя, ты сейчас находишься в танке.
- В каком еще танке? – Мне срочно требовалось прийти в себя. Вместо этого я опрокинула внутрь новую рюмку и, почувствовав жжение, уткнулась носом в рукав пиджака.
- Просто послушай. – Ника размахивала возле моих глаз пальцем, теперь напоминая гипнотизера. – Ты живешь, будто в танке, смотришь на жизнь через узкое окошечко и не хочешь выходить наружу. Потому что тебе там уютно, комфортно, совершенно не страшно. А еще оттуда видно, как мимо ходят другие люди, живут, радуются, расслабляются, ленятся, веселятся. – Она резко выбросила вперед руку. – Но тебе лучше. Ты в своем убежище ничего не боишься: ни атаки противника, ни винтовки снайпера. Правда? Тесновато, жарко, но зато привычно.
- Вера благоговейно выдохнула:
- Это точно про нее!
- А я о чем? – кивнула Ника. – Так вот. Сейчас, Варя, самый подходящий момент вылезти оттуда. Сделать то, на что никогда не решилась бы в здравом уме. Я называю это техникой по выведению из зоны комфорта. Да, мера сейчас кажется тебе радикальной, но разумный выход за пределы твоего кокона в зону риска – необходимое условие развития личности.
- Внутри меня будто рос ядерный гриб. Такую чушь я определенно не собиралась слушать. Какого черта?
- Это бред, – фыркнула я. – Ни в чем я не нуждаюсь!
- Твое поведение шаблонно и потому предсказуемо, – тоном Кашпировского продолжала она. – Так твой Альбертик говорил? Вот. Ты поступаешь, как привыкла, так, чтобы чувствовать себя всегда в своей тарелке. Все стабильно, но освоение чего-то нового невозможно. А ведь скоро ты постареешь, и все!
- Капут! – поддержала Вера.
- Если тебя интересует собственное развитие, нужно срочно что-то менять. Страшно? Во-о-от! Прекрасно, это нормальная реакция. – Ее пасы руками начали меня раздражать. – Значит, мы на верном пути. Ты прячешься внутри себя, сопротивляешься, а нужно просто

адаптироваться. Самое главное сейчас – осознать: ты зависла в зоне комфорта, а значит, сдвиг с мертвой точки возможен!

– Какой сдвиг? – Силы, кажется, оставили меня совсем. – К чему ты клонишь?

– Если хочешь, возьмусь за тебя, – с довольным видом сообщила Ника. – Начнем с малого: прическа, имидж, очки выбросим к чертовой матери, сделаем у тебя перестановку, изменим кое-какие привычки и кое-что еще по мелочи. Если ты согласна, расскажу подробнее. У меня на тебя планов громадье!

Я вскочила, глядя на нее возмущенно:

– Я тебе что, подопытный кролик?!

– Ну... не так грубо, – совсем не смутилась та. – Объект исследования.

– Ни за что! – Я обошла столик, прошагала мимо испуганной Веры и обернулась уже в дверях. – У меня нет никаких проблем! Я прекрасно выгляжу, прекрасно себя чувствую и не нуждаюсь в советах такой... малолетки, как ты!

– Отрицание – это шаг назад, Варвара, – все тем же тоном сообщила блондинка, медленно откидываясь на спинку кресла.

– Идите знаете куда?! – Я наградила каждую из них негодующим взглядом.

– Ладно, все-все, мир, – сдалась Ника, поднимая руки. – Садись, вон Жентосик пришел. – В дверях показался тщедушный хилый парнишка с дредами. – Сейчас хату твою вскроет, и пойдешь домой.

Я испепелила взглядом вошедшего, повернулась к девушкам, чтобы высказаться на прощание, и замерла, заметив немалый испуг на их лицах.

– Варь, ты... плачешь, – дрогнувшим голосом отозвалась Вера. Подошла ко мне ближе. – Смотри.

Она развернула меня к маленькому зеркалу на стене.

– Не может быть. – Я прикоснулась пальцами к щеке и вдруг ощутила горячую влагу.

– Говорили же, получится! – воскликнула, будто не веря самой себе, блондинка.

– Ника, ты гений. Тебе надо было сразу на мозгоправа идти учиться. – Вера уже гладила меня по плечу. – А ты пореви, пореви, Варенька, пожалей себя, не бойся. И мы пожалеем. Тебя вообще кто-нибудь когда-нибудь жалел?

На удивление я еще могла говорить:

– Папа. Давно.

Дрожащей рукой я сняла очки, зрение размывалось все сильнее. Теперь – от хлынувших ручьем слез.

– Ты реви-реви, не сдерживайся. – Вера прижалась ко мне, обнимая. – Людям не обязательно думать, что ты железный дровосек. Здесь все свои. – Ее руки похлопывали меня по спине. – Вот видишь, нормальная девчонка оказалась.

– А я чо? – усмехнулась Ника откуда-то с размытого дивана. – Я ничо.

– «Надменная»! «Надменная»! Дубина ты, а не психология!

6

Выбиралась я из-под одеяла, словно из-под тяжелой бетонной плиты, расплющившей голову, но для каких-то целей пощадившей меня и не прибавившей сразу и на смерть. Думала, жизнь кончена, когда проснулась под утро в туалете с гранулами кошачьего наполнителя в волосах и на ощупь поползла к постели. Но настоящее мучение – вот оно. В привкусе кислых помоев во рту, в разрывающей горло сухости, в гудящей паровозным гудком головной боли, которая сбивала с ног. Вот оно – испытание почище любых терзаний совести. Просто видеть свое отражение в зеркале и даже не узнавать его...

Черные круги под глазами незнакомого мне северного оленевода, паучье гнездо вместо прически, потрескавшиеся сухие губы и предательски дрожащие руки. Неужели все это я? Ужас!

Но ничего. Будем считать, что все случившееся мне только приснилось. Не знаю, как жить дальше и что теперь делать, знаю лишь одно – работа отвлекает. Быстро приняв ванну, я оделась, скатала в калачик еще влажные, тщательно прочесанные щеткой волосы, закрепила невидимкой, схватила сумку и выбежала на свежий воздух.

Борясь с накатывающей волнами тошнотой, я направилась вдоль набережной. Пыталась отвлечься, слушая море, разглядывая прохожих и подставляя лицо по-летнему ласковым лучам солнца. А еще раз за разом прокручивала в голове детали расследуемого дела – все лучше, чем вспоминать, как пришлось вчера возвращать кольцо тому, кто меня предал. Тому, кто обрек на одинокие ночи в холодной постели.

– Варвара Николаевна! – воскликнул дежурный. – Вы опять ни свет, ни заря. Суббота же!

– Доброе утро, – вздрогнув, ответила я. Слова его ударили в голову, словно колокол. – Работа...

– Выглядите неважно. – Полноватый лейтенант беззастенчиво разглядывал меня.

– Не выпалась, – вздохнула я, упираясь бедром в турникет.

«Балда. Приложи пропуск». Я ткнула сумкой в индикатор и, увидев зеленую стрелочку, решительно продолжила движение.

– Наслышан, – тоскливо произнес на прощание дежурный.

С трудом попав ключом в замочную скважину, я отперла дверь кабинета и вошла. Теперь у меня ныло все тело. Я повесила сумку на спинку стула, расстегнула жакет, схватила тряпку и принялась протирать подоконник. Такое занятие всегда хорошо отвлекало и настраивало на нужный лад. А еще после влажной уборки глаз не раздражали мелкие пылинки, мелькающие под обнажающими все солнечными лучами.

Вымыв руки, я еще раз взглянула в зеркало: вполне сносно, но на людях лучше не показываться. Вскипятила воду, заварила кофе и уселась за стол. Предстояло только привести мысли в порядок и сосредоточиться. Пожалуй, первый раз в жизни это казалось мне почти невозможным.

– Привет. – На пороге вдруг показался сияющий Лунев. Явно выпавшийся, свежий, гладко выбритый.

Я выпрямилась и застегнула жакет на одну пуговицу.

– Привет.

Наверное, мой голос прозвучал как старая скрипучая половица. По крайней мере, мне именно так и послышалось. Я прокашлялась и потянулась к чашке с кофе.

– О-о-о... – Егор вошел, закрыл за собой дверь и двумя руками взъерошил аккуратный ежик каштановых волос. – Что пила?

Я бросила на него испуганный взгляд и обожгла язык большим глотком горячего кофе. Как он догадался?

– Белое вино, – произнесла я, поморщившись.

Майор подошел к подоконнику и дернул на себя створку окна. В комнату ворвался запах моря и соли.

– А потом? – спросил он, усаживаясь напротив.

Мне захотелось сползти под стол.

– Если скажу, разочаруешься во мне, – пропищала я, припадая губами к кружке.

Лунев засмеялся, и мне пришлось с удивлением отметить, что голос у него приятный, низкий и густой, словно расплавленная карамель.

– Не смей меня, Комар. Я же все про тебя знаю.

– Водку, – призналась я, тихонько вздохнув.

Его глаза моментально загорелись.

– Ты? Водку? – спросил он, откидываясь на спинку стула. – И с кем?

Я пробежала взглядом по его сильным рукам, по бицепсам, четко очерченным под рубашкой. Надо же, пока даже не верилось, что у меня еще может с кем-то сложиться после Альберта. Слишком приучила себя к мысли, что мы теперь «вместе и навсегда». Долго ли буду отвыкать? И смогу ли?

– Я что, на допросе? – зевнула я в кулак.

Егор продолжал рассматривать меня, склонив голову набок.

– Прости. – Он моргнул несколько раз, будто пытаясь от чего-то отвлечься. – Профдеформация. Мне просто стало интересно, что тебя заставило пригубить столь низменный напиток.

– Расскажу – не поверишь.

Он уселся удобнее, широко расставил ноги и скрестил руки на мощной груди.

– Рассказывай. Выходной, времени много, послушаю.

– С подругами. – Я в три глотка допила остатки кофе и, положив пальцы на виски, принялась их массировать. – Да глупо вышло. Сама не знаю, зачем сюда пришла. Думала, с документами поработаю, изучу все еще раз внимательно. Дома все равно заняться нечем.

– Я серьезно, Комар, давай выкладывай. – Теперь Лунев хмурился.

Я положила руки ладонями на стол, будто на Библию, и выдала как на духу:

– Меня Альберт бросил.

– Подожди, – выпрямился Егор, накрывая своими горячими руками мои. – А свадьба? Ты же говорила...

– Не будет свадьбы, – произнесла я, изучая бледную кожу на костяшках его пальцев и боясь пошевелиться.

– Этот сукин сын мне сразу не понравился! – выдал он.

– Что? – Я дернула руки на себя, освобождаясь. – Почему ты мне сразу не сказал?

– Ну... – Тяжелые ладони заскользили по столешнице и скрылись в карманах его джинсов. – Ты же такая счастливая была...

– Спасибо, – усмехнулась я, вскидывая взгляд к потолку. – Я была слишком занята работой и не заметила, что у нас с ним что-то не так... Но то, что он наговорил мне вчера... Это заставило задуматься, все ли в порядке именно со мной.

Лунев склонился к столу, привлекая мое внимание.

– Что, совсем плохо тебе?

– Ну... – Я пожала плечами.

– Голова болит?

Живет своей жизнью. Прокручивает мозги внутри черепной коробки, как в барабане стиральной машины. Вбалтывает их, будто миксером.

– Ну... – промычала я, вновь хватаясь за виски.

– Пошли скорей. – Он вскочил, схватил мою сумку и потянул меня за руку.

– Куда?

– За лекарством.

Лунев взял со стола ключи, закрыл ими дверь и нежным прикосновением к талии подтолкнул меня к своему кабинету. Я вошла, в очередной раз отметив про себя, как неуютна здешняя чисто мужская обстановка, и покорно села в его кресло. Егор уже суетился возле сейфа: проскрежетал замок, зашелестели листы бумаги, и через секунду на столе появилась бутылка коньяка с двумя маленькими гранеными стаканами.

– Пить? Опять? Не-е-ет! Только не это!

– Давай-давай, – засмеялся он, разливая янтарную коричневатую жидкость. Подвинул мне стакан и хитро сверкнул глазами. – Пей. Полегчает.

– То же самое я вчера слышала перед тем, как мне стало плохо.

– Пей, Комар.

Я неохотно протянула руку, взяла напиток и вдохнула терпкий аромат, моментально заставивший меня поморщиться.

– Может, таблеточку? – пискнула я жалобно.

– Исключено!

Я вздохнула.

– Ты знаток, да?

Егор так звонко рассмеялся, что колокол, засевший в моей голове, прозвонил сразу несколько раз.

– Да это каждый знает, Варь. Лучше рюмочкой похмелиться, чем горсть таблеток сожрать.

– Врачи бы с тобой точно не согласились.

– Правильная ты наша. – Он одарил меня озорной улыбкой, покрутил в руке стакан с напитком, разглядывая его на просвет, и, едва пригубив, поставил обратно.

Я выдохнула, как меня вчера учили, опрокинула залпом содержимое граненого стакана и спрятала лицо в рукав жакета. Знакомое жжение прокатилось по пищеводу, опустилось ниже и отозвалось несколькими каплями слез, моментально появившихся в уголках глаз.

– Ого... – только и вымолвил Лунев, разглядывая меня с неподдельным интересом.

– Ты, кстати, что на работе делал? – выдавила я, ловя себя на мысли, что с удовольствием когда-нибудь, прости господи, согрешила бы с этим крепким мужчиной.

«Это что, коньяк так быстро в голову бьет? Или мне просто терять больше нечего? Прочь, прочь такие мысли, прочь!»

– То же, что и ты, – медленно произнес Егор, все так же задумчиво разглядывая солнечные блики, тонущие в напитке.

– Насквозь тебя вижу, Лунев, давай, не обманывай.

Он улыбнулся:

– Да я вообще-то частенько по субботам работаю. Человек я свободный, никто меня не ждет. – Он игриво прищурился. – Вот думаю, не приударить ли за тобой? Ты у нас теперь тоже девушка свободная...

– Не смейся, – проронила я, испуганно уставившись в бездну его зеленых глаз.

Егор заметно потускнел. Ссутулился, запивая неловкость момента коньяком, и быстро сменил тему, пока я мысленно продолжала костерить себя на чем свет стоит за то, что не отступилась. Представляю, что было написано на моем лице в тот момент. И как это воспринял сам Лунев...

– Там пара коробок. Ну, или штук шесть, не помню, – сказала я, усаживаясь на пассажирское сидение в синий «КИА Рио» Егора.

– Да без проблем, – бодро отозвался он, заводя мотор. – Помогу.

Пятьдесят грамм коньяка выветрились вместе с головной болью за два часа душевных разговоров и обмена мнений по нашим текущим делам. Но никуда не исчезла неловкость из-за нечаянно оказанной мне Луневым симпатии и неприкрытого ужаса в моих глазах в качестве реакции на нее. Теперь мне очень хотелось сгладить этот момент, но я не знала, каким образом. Сам же коллега предпочел вернуться в колею непринужденного дружеского общения и больше не демонстрировать своего разочарования от того, как я вдруг опешила после произнесенных им слов.

– На светофоре направо, – махнула я рукой Егору, одновременно разговаривая по телефону с экспертом нашей лаборатории, как вдруг замерла. – Стой-стой! Давай за ним!

– За кем?

– Вот за этой машиной!

Немного необдуманно, но это было первой реакцией на мелькнувшее авто Альберта, вильнувшее на перекрестке вправо. Лунев послушно направил автомобиль следом.

– Хорошо, поняла вас, спасибо, – ответила я эксперту и нажала «отбой».

– Что случилось-то? – пробормотал Егор, держась чуть позади белого «Ниссан Кашкай». – Кто это? За кем мы едем?

– Просто езжай, – попросила я тихо.

Мне нужно было проверить, верна ли догадка и не померещилось ли мне то, что я увидела.

– Останови здесь.

– Прямо здесь? – спросил Егор, притормаживая недалеко от моего дома.

– Да, – ответила я коротко и замерла, впившись взглядом в белый автомобиль, остановившийся у самых ворот.

– Ты же хотела съездить к маме, забрать вещи?

– Мы и так приехали к маме, – процедила я сквозь зубы, не отрывая взгляда от водителя, вышедшего, чтобы открыть пассажирскую дверь. – Так сказать, объединили оба дела в одно производство.

– Подожди, – вытянул шею Лунев, – это ж... твой Альберт.

– Совершенно верно, – произнесла я, чувствуя, как рождается в душе оглушающая пустота.

– А кто это с ним? – нахмурился Егор, пытаясь разглядеть выпорхнувшую из автомобиля блондинку в желтом платье.

– Моя сестра, – усмехнулась я, кивая самой себе.

Как все просто! Теперь был ясен ее вчерашний посыл. Молодец, Крис, четко сработано. Умничка.

– Это что получается? – спросил Лунев и тут же присвистнул, увидев, как девушка цепко притягивает Альберта к себе и припадает к его губам в долгом и страстном поцелуе.

– То и получается, – произнесла я, не в силах скрыть улыбку.

Альберт проводил мою сестру до двери, сел в автомобиль, коротко посигналил на прощание и двинулся в противоположную от нас сторону.

– Варь... – сочувственно произнес Егор, поворачиваясь ко мне.

Внутри у меня все горело. Мне совсем не нужна была чья-то жалость. Моей ярости хватило бы сейчас, чтобы испепелить кого угодно одним только взглядом.

– Пошли, – кивнула я другу, выбралась наружу и быстрым шагом направилась к дому.

– Подожди, Комарова, – он догнал меня в два счета и развернул к себе, – ты что собралась делать? Ты это... слышь... не нужно сгоряча!

Я перехватила его руки и улыбнулась:

– Спокойно, Лунев. Я не умею скандалить. Все будет хорошо. Просто побудь со мной рядом, ладно?

Он неуверенно кивнул. Я развернулась, выдохнула и пошла к калитке. Отперла ее своим ключом. Позвала еще раз:

– Пойдем.

– Иду, – догнав меня, ответил Егор.

Я не чувствовала ничего, понимала, что земля уходит из-под ног. Не собиралась ничего выяснять, просто хотела посмотреть в бесстыжие глаза.

Пусть живут, как хотят. Только не в моем доме.

Я решительно толкнула дверь и вошла. Одернула жакет, поправила юбку, гордо подняла подбородок.

– Привет всем! – пропела я, обретая вдруг силу духа и ощутимую уверенность в себе.

Надо же, все собрались в гостиной. Видимо, чтобы встретить с гулянки блудную дочь. Андрей уже с утра был при полном параде: серый свитер с брюками, на ногах мягкие кожаные домашние туфли. И все тот же холодный осуждающий взгляд, адресованный не кому иному, как мне. Мама выглядела привычно усталой, держалась немного поодаль, нервно теребя край водолазки, висящей на ее исхудавшем теле, словно на вешалке. Сестрица встретила меня во всеоружии: изящный поворот головы, невинные глаза испуганной лани – заранее приготовленная маска, не раз опробованная и так хорошо зарекомендовавшая себя в общении с родителями.

– Кристина, вас с Альбертом уже можно поздравить? – Я решительно прошла в гостиную, намеренно не снимая обуви. – Расскажешь потом на досуге, как он? Хорошо? Подозреваю, что так себе, с твоими-то запросами. Жаль, что не миллиардер, правда? Простой торгаш. – Я вздохнула, качая головой, и сменила ехидную улыбку на едкий прищур. – А тебя не смущает, что ты донашиваешь его за мной?

Кристина молча потупила взор. Нет, совсем не от стыда или смущения. Она старательно отыгрывала выбранную заранее роль.

– Варвара, в чем дело? – Отчим шагнул вперед, оказавшись как раз между нами. – Что происходит? – Его светлые брови сошлись на переносице, выражая гнев. – Будь добра объяснить нам всем. – Он обернулся к застывшему на пороге совершенно растерянному Луневу. – И представь нам своего... спутника...

– Добрый день, – коротко кивнул тот, оглядывая собравшихся.

Я посмотрела на отчима снизу вверх, покачала головой:

– Ох, что ты, Андрей, я не такая быстрая, как твоя дочь. Егор – всего лишь мой коллега. Мужчина недовольно взглянул на дочь.

– О чем она, Кристина?

Сестрица, заламывая руки, бросилась к нему.

– Понимаешь, папа, – она обернулась и взяла за руку мачеху, – мама... – Затем трагически опустила взгляд в пол. – Представляю, как все это выглядит. Нам очень не хотелось огорчать Варю, но все так получилось... Мы с Альбертом любим друг друга. – Кристина всхлинула, поправляя излишне откровенный вырез платья, и нахально сверкнула в мою сторону хитрыми глазами. – Прости, что поступаю так с тобой, сестра, но мы хотим быть вместе. Думаю, ты должна знать, что я всегда была честна с тобой и стала с ним встречаться только после того, как вы расстались.

Приложив руку к груди, я спросила:

– Как скоро? – И не смогла сдержать усмешки. – Часа два-то хоть прошло с нашего расставания? А? Или когда вы с ним снюхались? Скажи-ка мне честно.

Кристина потрясла головой и сделала шаг в мою сторону.

– Варвара, ты вправе злиться, я тебя понимаю...

Отличное выступление. Но на «Оскара» не тянет. Ох, не тянет.

– Да бог с вами, будьте счастливы, – отмахнулась я от нее и повернулась к Андрею. – Я пришла поговорить о другом. Мы с мамой сейчас уйдем. Вместе. Даю вам двое суток, чтобы вы собрали свои вещи и покинули наш дом. – С видом победителя я подошла к маме, взяла ее за руку и потянула за собой. – Не бойся, мама, пойдем. – Вдруг я почувствовала сопротивление и остановилась. Повернулась к ней. – Ты должна знать, что этот человек кормит тебя сильнейшим снотворным, я нашла таблетки в твоей комнате, отправила на экспертизу и только что получила результаты. – Она смотрела непонимающе, испуганно, растерянно. Я до боли свела челюсти и процедила в сторону отчима: – Это уголовно наказуемое деяние. Так что отпираться не стоит, ты намеревался угробить мою мать!

– Варвара! – Его тонкие губы сомкнулись в прямую линию. – Как ты смеешь! После всего, что я для тебя сделал! – Он угрожающе сверкнул глазами, преградил нам путь и протянул вперед ладонь, предлагая жене взяться за нее. – Иди сюда, Наталия!

Его грудь высоко вздымалась, что выражала бешенство лучше, чем непроницаемое до сих пор лицо.

– Убери от нее свои руки! – прошипела я, заметив, что Лунев мнетя в двух шагах от нас, решая, не пора ли ему вмешаться.

– Варвара, думаю, тебе стоит сейчас замолчать, чтобы и дальше не выглядеть глупо. – Легкая улыбка коснулась уголков рта Андрея. – Снотворное прописал Наталии ее врач, она принимает его из-за расстройств сна и, заметь, совершенно добровольно. Стоило для начала это уточнить. А этот концерт, который ты здесь устроила...

Мне не хватало воздуха. Казалось, я вот-вот взорвусь от бешенства, глядя на его самодовольную ухмылку.

– Это правда, дочка, – вдруг донеслось из-за плеча.

Тихо, едва слышно, несмело.

Я обернулась, склонилась над ее ухом, сжала крепче ее дрожащую ладонь.

– Пойдем, мама, тебе больше не нужно бояться этого... тирана. – Я перешла на шепот. – Пойдем со мной? – Заглянула в ее глаза, до краев наполненные страхом, и спросила уже громче: – Или хочешь, останемся здесь, пусть он выметается?

Нижняя губа матери нервно дрожала, глаза смотрели виновато.

– Дочка, не нужно. – Едва справляясь с блеснувшими вдруг слезами, она погладила меня по руке. – Все хорошо. – Склонив голову набок, она посмотрела с такой любовью, что у меня чуть не разорвалось сердце. – Ты сейчас просто сильно расстроена. Все уладится... Вот увидишь...

– Мама... Я тебя не узнаю. – И отшатнулась, не веря тому, что слышала и видела. – У тебя что, совсем нет своего мнения? Ты намеренно не замечаешь ничего вокруг?

– Так будет лучше, – закивала она, бросая на отчима короткие, полные покорности взгляды. – Поверь мне.

Я бессильно опустила руки. Сделала шаг назад. Оглядела еще раз всю компанию: Андрея, мечущего глазами молнии, довольную притихшую сестру, мать, явно напуганную, в смятении, не способную принять единственно верное решение.

Я покачала головой, улыбнулась себе и сказала:

– Я сейчас уйду, но обещаю, что скоро открою тебе глаза. Обещаю.

– Прости меня, – раздалось уже за спиной.

– Угу, – бросила я в ответ, чувствуя, как душа разрывается на части от обиды. Хлопнула по плечу растерянного Лунева. – Пойдем, Егор. В гараж. За моим барахлом. Заботливые родственники наверняка уже зашвырнули его туда.

– Варя... – начал было он уже за дверью.

– Все нормально, Лунев, – отозвалась я, решительно шагая в сторону гаража, – это всего лишь первый раунд, дальше буду умнее.

– Привет, – удивилась Вера, встречая меня через два часа на пороге своей квартиры. Упершись руками в бока, она одарила меня искренней улыбкой от уха до уха.

– Привет, – поздоровалась я, поправляя очки. – В общем, я согласна.

– Согласна на что? – спросила Ника, выкатываясь к дверному проему прямо в кресле, с гарнитурой в ухе.

Я посмотрела на нее:

– Согласна на апгрейд. Может, не полный, но хотя бы как получится.

И сделала решительный шаг внутрь квартиры.

7

Два месяца пролетели незаметно.

В старом парке был обнаружен труп еще одной девушки. Почерк тот же: у шестнадцатилетней Марины Сизовой было перерезано горло, на теле имелись многочисленные ссадины и раны. Внешне погибшая очень напоминала предыдущих жертв – светленькая, худенькая, достаточно хрупкая.

Мне пришлось привлечь большое количество разных специалистов, был составлен психологический портрет преступника, проверены все сотрудники мужского пола, работающие в парке, занимающиеся уборкой прилегающей территории, опрошены ученики находящегося неподалеку ПТУ, все недавно освободившиеся преступники, живущие в близлежащих районах. Ежедневно по парку прогуливалась оперативная группа в штатском, проверялись все маршруты автобусов, курсирующих рядом, все автомобили, следующие в данном направлении, отрабатывалась также версия, что тела в парк лишь сбрасывались.

Все безрезультатно.

Убийца будто обладал особым чутьем, знал, как нужно действовать, чтобы не наследить, действовал аккуратно и очень осторожно. Как это всегда и бывает, среди местных жителей началась неминуемая паника: в соседних жилых районах родители не отпускали детей гулять одних, требовали у полиции прояснить ситуацию, с каждым днем обрастающую все новыми слухами. Но больше всего шума поднимала пресса: «Следствие ждет, когда маньяк убьет новую жертву» – с таким заголовком вышел «Прибрежный вестник» на прошлой неделе.

Журналист Грин, отчаявшийся взять у меня интервью, чтобы выяснить обстоятельства дела, и вынужденный довольствоваться лишь сухими сообщениями пресс-службы, фактически буйствовал. Трижды за последние шестьдесят дней он указывал в своих статьях на мою некомпетентность и бездействие, призывал заменить кем-то постарше и требовал от руководства срочных и решительных мер.

Легко ему говорить, труднее было мне не реагировать. Мы делали все возможное, поднимали на ноги всех свободных сотрудников, буквально рыли носом землю, искали-искали, проверяли каждую мелочь, но, что самое страшное, газетчики были правы – мы ждали нового убийства, без него нам пока не за что было зацепиться.

Работа отняла у меня все лишнее время и отвлекла от грустных мыслей. Вместо того, чтобы радоваться законным выходным и приходу настоящего южного лета, я по горячим следам раскрыла убийство продавщицы ларька местными наркоманами, поджог ресторана и бытовую резню. Чтобы разгрузить мозги и переключиться с убийств в парке на что-то другое, несколько раз возвращалась к делу отца. Нашла оперов, работавших по делу, и побеседовала с ними, те посоветовали разыскать Ивана Омутава, бывшего тогда старшим оперуполномоченным.

Я нашла его в соседнем городе в маленьком ветхом домишке. Теперь он работал охранником в супермаркете и не желал даже вспоминать о службе в органах. Уволился он оттуда двенадцать лет назад из-за проблем с руководством. Дело моего отца помнил хорошо – именно оно и стало тогда причиной конфликта. По словам Ивана, его смутил тот факт, что в заключении эксперта не было ни единым словом упомянуто отсутствие на автомобиле бизнесмена Комарова правого переднего колеса, найденного на следующий день в четырехстах метрах от места падения на берегу и приобщенного им к делу.

По заключению эксперта автомобиль был абсолютно исправен. Еще и полное ТО значилось пройденным у официала за месяц до трагедии. Почему-то найденное колесо с логотипом производителя тогда отказались учесть, доводы Омутава не были приняты, попытки докопаться до правды – пресечены. И почти сразу после высказанного им возмущения высшее

начальство рекомендовало Ивану не вмешиваться. Впоследствии под их нажимом ему все-таки пришлось уволиться из правоохранительных органов.

Мутное дело. Старое и очень мутное. Спустя столько лет для меня нереально было отыскать ни тот самый автомобиль, ни колесо – все давным-давно уничтожили. Остались лишь обрывки воспоминаний людей, которые видели все своими глазами. Их рассказы о том, как водолазы день за днем вели поиски в бухте, как отступились, так и не найдя тело моего отца.

Кому теперь были нужны слова тех очевидцев? Кто бы им поверил? Мне требовались новые зацепки, и, пожалуй, для этого стоило бы заняться деятельностью Андрея, которую он вел в настоящем. Папу не вернешь, ярлык самоубийцы так просто не сбросишь, но вот вырвать маму из лап тирана – это все еще оставалось вполне реальным.

Мама... Два месяца мы не виделись. Она звонила мне пару раз в неделю. Чувствовала вину за то, что ей приходилось разрываться между нами всеми, жалела меня, уговаривала прийти повидаться. Я не решалась. Было больно и обидно. Именно от нее я узнала, что колечко, принадлежавшее бабушке Альберта, уже перекочевало на палец к Кристине.

Забавно, да? Когда появляется та самая женщина в твоей жизни, больше нет места страхам, что ты поторопился и совершаешь ошибку. Ты строишь новые отношения, планируешь, не оглядываясь ни на что. Хотя версия о том, что Крис со своим папочкой просто грамотно обработали моего бывшего жениха, была очевиднее и правдоподобнее остальных – в супермаркете Альберта больше не было краснодарских яиц, на самом почетном месте теперь красовалась продукция «Майской птицефабрики». Вот так.

Я...

А что я? Эти два месяца стали самыми трудными и интересными в познании себя. Девчонки, оказавшиеся на поверку вполне милыми, хоть и бесшабашными, издевались надо мной, как могли. В глубине души я понимала, что все происходящее со мной при их участии имело весьма отдаленное отношение к психологии. Они ставили надо мной эксперимент, а я просто не сопротивлялась. Мне первый раз в жизни было весело. Сложно, но по-настоящему весело, черт возьми.

Не знаю, откуда росли корни моих комплексов. Отчетливо помню тот момент, когда умер отец. Мне тогда казалось, что нужно как можно меньше проблем создавать матери, которой и так было тяжело. Мне нравилось быть послушной, прилежно учиться, радовать ее отметками и хорошим поведением. На контрасте с сестрой мне хотелось быть еще лучше, чтобы причинять маме как можно меньше неудобств, как можно реже ее расстраивать. Вот, наверное, тогда я и потеряла себя, потеряла детство и вкус к жизни.

И девочкам хотелось хоть немного, но восполнить этот пробел, дать мне почувствовать себя, раскрыться и преодолеть установленные мною же барьеры. Первым этапом было даже не изменение казавшейся им скучной внешности. Они вытащили меня на набережную, заставили надеть бейсболку, кроссовки и прокатиться на самокате. Весь тот день мы провели у залитого солнцем моря, исколесили втроем берег почти вдоль и поперек, наелись сладкой ваты, пирожков, мороженого и напились вредной газировки.

Самым удивительным было позволить себе ехать на этой штуке с колесами, не боясь показаться легкомысленной, ощущать прохладный ветер в волосах, свежесть соленых волн и дышать полной грудью. Кажется, я тогда впервые почувствовала себя живой.

Следующим испытанием стала попытка познать себя и свое тело. Вероники спустили половину моей зарплаты на несколько комплектов дорогого нижнего белья и ужасно развратных чулок с поясом. Мне разрешалось ходить на службу в своей привычной одежде, но под нее надевать эту амуницию, как они сказали, «свободной, знающей себе цену и сексуальной женщины». Дома – ходить только раздетой, в нижнем белье и обозревать свое отражение во всех доступных зеркалах.

Было странно. Было дико. И все это, конечно, не сразу мне понравилось. Но, нужно признать, что наличие на теле такого нежного, ажурного, почти совершенного белья изменило даже мою походку, сделав ее по-кошачьи плавной. А это ощущение, что ты одна знаешь какую-то тайну, заставляло по-другому держаться, любить свое тело, становиться уверенной в себе. Две недели я ходила дома в одних трусиках и лифчике, и это тоже дало свои плоды – я стала по-настоящему нравиться самой себе.

Все это привело к тяжелейшему признанию: капитан Варвара Комарова боялась выходить на люди в купальнике, поэтому не бывала на общественном пляже, наверное, с совершеннолетия.

Наверстывали упущенное мы тоже втроем, в один из немногочисленных выходных, когда я позволила себе уйти с работы на пару часов, чтобы выполнить это задание. Стыд, желание прикрыться полотенцем, втянуть живот и немедленно рвануть в воду, чтобы ни у кого не возникло желания рассматривать мои обнаженные бледные бедра и задницу, полностью захватили разум. Огромного труда стоило лечь по команде наставниц посреди огромного пляжа и просто загорать, провожая взглядом катера и слушая крики чаек.

Стресс я снимала, разбивая и круша оставшиеся вещи бывшего: часы, фоторамку, флакон туалетной воды. Удаляла совместные фотографии, жгла рубашки, резала галстуки, чистила унитаз его зубной щеткой и в деталях представляла, как бы он ею пользовался дальше. Эти простые действия приносили некоторое облегчение, хотя больше служили очищением и помогали отпустить его душой.

Иногда мои унылые и одинокие вечера нарушались внезапным приходом соседок. Приходилось убирать документы и окунаться в чисто девичьи удовольствия: болтовню обо всем на свете, сеансы депиляции, нанесение всевозможных масок, медитацию, музыку и даже йогу. Один раз они потащили меня с собой в салон красоты на массаж, в другой раз измывались прямо дома, делая маникюр, педикюр и густо крася ногти ярко-красным лаком.

Как и обещали, они ломали меня постепенно, как и ожидалось, сопротивлялась я изо всех сил. Целый день с лаком на ногтях показался мне пыткой, все время ужасно хотелось спрятать руки, убежать и немедленно стереть его, чтобы не привлекать ненужного внимания. К вечеру от удивленного взгляда Лунева на мой маникюр у меня даже началась нервная почесуха. Как оказалось, это были всего лишь цветочки.

Тяжелее всего было терпеть беспорядок дома. Вероники заставили меня съесть чипсы, затем поели сами, оставив на ковре и обивке дивана кучу крошек. Не знаю, что я ощущала, сидя в кресле и ожидая их ухода. То ли больше всего на свете мечтала взять в руки пылесос, то ли ждала скорой смерти от язвы желудка. В тот день они ушли, заставив меня разбросать собственные вещи и спокойно лечь спать. Легко сказать «спокойно»! Я всю ночь ворочалась в постели, думая о том, как бы встать и убрать все по своим местам.

«Так ничего же не случится, спи, – говорил мне внутренний голос, – утром уберешь».

«Срочно! Беги и собери то, что валяется там, в гостиной, – почти кричал мне через минуту он же, – вставай-вставай!»

Совершенно измучившись, я встала около трех ночи, прибралась и сразу отключилась, довольная. Не знала я тогда, что теперь они потребуют от меня поступать так каждый день. И ведь будто назло они прибегали каждое утро ни свет, ни заря, чтобы проверить, не вымыла ли я ночью грязную посуду и не переставила ли обувь в коридоре ровно-ровно, как того требовала моя натура. Вот кто зануды!

– Надевай, – сказала Ника с видом знатока, протягивая мне пакет с покупками, – тебе нужно сначала попробовать сходить в этом куда-нибудь, например в магазин. Думаю, ты еще не готова идти в таком наряде на работу, не выдержишь.

– Даже не знаю, – произнесла я ошеломленно, доставая из пакета странного вида мятую рубашку и рваные голубые джинсы. – На работу мне в таком точно нельзя.

– Что? Прямо никто у вас в джинсах не ходит?

– Ну... – Я затаила дыхание, разглядывая их. – Не в таких. Некоторые в форме предпочитают ходить.

– Твоя юбка с пиджаком и так кажутся формой. – Она усмехнулась, падая в свое любимое кресло. – Учительской.

– Ты правда думаешь, что мне стоит это примерить?

Джинсы оказались даже хуже, чем я представляла. Думала, они заставят меня втиснуться в узкие брюки, обтянуть попу, но эти... Будто снятые с мужчины, так называемые «бойфренды» с небрежной бахромой в местах разрывов на коленях. Грубые, жесткие, разгильдяйские. Как они могли сделать меня женственной? Пусть в комплекте с льняной рубашкой бледно-розового цвета? Ума не приложу.

– Если ты не примеришь, мы разрываем наш контракт, – хохотнула Ника, закидывая голые ноги на стол.

– Не могу поверить, что иду на поводу у двух... девчонок без царя в голове!

– Признай, мы классные. – Она подняла на макушку желтые очки в круглой оправе. – А еще тебе никогда в жизни не было так весело, как с нами.

– Сомневаюсь, – буркнула я, рассматривая рубашку.

– Тебе нравится быть плохой девочкой, Комарова! – Ее залиvistый смех эхом разлетелся по комнате. – Признава-а-айся!

– Знала бы ты хоть что-то о моей работе, так бы не говорила.

– Правильно, сама ничего нам не рассказываешь.

Я покачала головой:

– Крепче спать будете.

Я сняла блузку, аккуратно повесила на спинку стула и несмело натянула обновку. То же самое проделала со строгой юбкой, заменив ее на голубые джинсы, оказавшиеся на удивление удобными. Посмотрела в зеркало. Интересно. Даже очень.

– Подожди, – вскочив с кресла, Ника подбежала ко мне, – сейчас сделаем, как надо.

Она подвернула края брючины до длины 7/8, заправила рубашку, сначала полностью, затем вытащила и небрежно засунула за пояс лишь один ее край. Достала шпильки из пучка моих волос, распустила их и взбила пальцами. Выделив несколько прядей, покрутила в руке и уложила вперед, на грудь. Сбрызнула мою шею новым модным и дерзким ароматом от «Кензо» и отошла назад, играя бровями.

– Хм! – Я пожала плечами, поворачиваясь к зеркалу то одним боком, то другим. С удивлением отметила, что у меня даже попка появилась. – С какой обувью это полагается носить?

– Каблуки, – хитро улыбнулась Ника. – Но белые тапки или кеды тоже можно. Положи их в сумку на всякий случай, если устанешь на шпильках, переоденешь.

– Вряд ли на высоком каблуке я дойду даже до магазина.

– А ты пробуй, все приходит с опытом. – Она надавила мне пальцами на плечи. – Выдохни, расслабься, представь, что ты никуда не спешишь, улыбайся прохожим.

Я обреченно вздохнула:

– Легко сказать, но я попробую.

Ника встала передо мной и сурово взглянула мне в глаза:

– Помнишь, что мы говорили про флирт?

– Нет-нет-нет! Только не это!

– Слушай, Варя, ты чувствуешь себя неловко в общении с мужчинами, у тебя происходит некоторый зажим, который ты пытаешься скрыть под маской серьезности. Не бойся быть собой, выглядеть нелепо, мужчинам нравится эта игра. – Она взяла с полочки блеск и нанесла

немного на мои губы. – Просто у тебя засел в голове стереотип, что это соблазнение. Нет, ты ведь не предлагаешь себя, нет никаких конкретных целей. Ты просто хочешь узнать его поближе, показываешь свою заинтересованность, а он старается разгадать твои загадки: то ли ты просто в хорошем настроении, то ли он тебе нравится. Ну, ты что, не пробовала такого никогда?

Я прикусила губу, пробуя блеск на вкус.

– Никогда.

Она надула щеки и медленно выдохнула, глядя на меня как на глупого ребенка.

– Тебе обязательно понравится, вот увидишь. Импровизируй, шути, искренне улыбайся. Твоя задача – привлечь внимание, одновременно вызвав у него желание узнать тебя получше. – Ника вытаращила глаза. – Боже, не смотри на меня, как святая девственница! Ты же не... Нет ведь?

– Нет! – вспыхнув, воскликнула я и отвернулась к зеркалу.

– Объектом может стать кто-то уже знакомый или первый встречный.

Мой живот меня подвел, мгновенно сжавшись от страха.

– Знакомиться на улице не стану. – Я одернула рубашку и едва удержалась, чтобы не заправить ее в джинсы как следует. – Это опасно и... просто совершенно безумная затея! Нет, нет и нет!

– Ну, смотри, какая ты красотка. – Она выглянула из-за моего плеча. – Ты позволила себе взять выходной, нарядилась, не пропадать же теперь такому наряду, а? Позвони этому своему коллеге, пригласи прогуляться, не знаю, придумай какой-то повод, если стесняешься.

– Ни за что! – Меня затрясло мелкой дрожью от одной только мысли о том, как отреагирует Лунев на такое предложение.

Да, Егор мне нравился. И, возможно, мы могли бы... Нет! Ему нельзя видеть меня в такой. Что он подумает?

– Ну ты и зануда, – разочарованно сморщилась подруга, – посидели бы в кафе, мило и приятно поболтали. А там, глядишь, все само собой бы и случилось...

– Да не нужно мне всего этого, неправильно это. – Я убрала волосы за уши и нервно вздрогнула. – Я не умею и не хочу кокетничать. И с такой интонацией, как ты показываешь, тоже говорить не смогу. Не мое это.

– Слушай, как ты вообще со своим Альбертом сошлась?

– Не знаю. – Я нахмурилась. – Он сам.

– Ясно, – тяжело вздохнула Ника. – Не хочешь продвигаться вперед и флиртовать, тогда заменим это задание шоковой терапией.

Я недоверчиво взглянула на нее:

– Ты о чем?

– Иди в супермаркет своего Альбертика и стащи там бутылку самого дорогого коньяка. Ему назло. И здоровенную шоколадину.

Я покрутила пальцем у виска.

– Ты, наверное, не совсем понимаешь, где я работаю и чем занимаюсь, да?

– Боишься? – ехидно спросила девчонка, приваливаясь к стене.

– Никогда на такое не пойду.

– Тогда просто вскрой эту шоколадку и съешь ее прямо в магазине, пока никто не видит.

Преодолей себя, соверши немыслимое!

– Никогда.

Разве что в страшном сне.

– Тогда остается флирт, – огласила мой приговор соседка.

– Умно. – Мне оставалось лишь кивнуть.

Ника скорчила рожу.

– Я не настаиваю, – усмехнулась она. – Помни, что делаешь это только для себя. А мне просто прикольно за всем этим наблюдать.

– Помню.

Раздался звонок, она поправила гарнитуру, села в кресло и посмотрела на меня:

– Хочешь ответить?

Я отчаянно затрясла головой, отказываясь. Ника рассмеялась:

– Иними эти очки, сейчас Вера принесет тебе линзы. – Она прокашлялась, опустила ресницы, входя в образ, и ласково мяукнула в трубку: – Алло-о-о...

Собрав свою одежду в пакет, я еще немного покрутилась у зеркала и, не узнавая саму себя, пожалала плечами. Нужно было прогуляться. Вымести из головы мрачные мысли, развеяться, пробежаться по магазинам, а там уж как выйдет. Что-нибудь придумаю. Не обязательно слепо следовать всем советам этих доморощенных психологов. Нужно учиться просто жить и наслаждаться жизнью.

– Привет! – Вера радостно бросилась мне на шею, едва войдя в дверь. – Ну, ты красотка! В смысле, и раньше была, а теперь... Ох, как бы не прослезиться!

– Перестань, – смутилась я, бросая еще один взволнованный взгляд в зеркало, словно не доверяя ее словам, проверяя, не обманула ли.

– Как можно было прятать такие шикарные волосы? Не понимаю! – не унималась она, обмахиваясь кипой бумаг и газет, зажатых в руке. – Чуть ли не до пят, такое богатство. А блестят как!

– Спасибо.

– Слушай, – Вера вдруг принялась перебирать бумажки, – посмотрела сейчас почтовый ящик, там у нас по ошибке какое-то письмо для тебя оказалось. Взгляни.

Я взяла из ее рук гладкий конверт, подписанный знакомым почерком. С трудом выдохнула, уже догадываясь, что там может быть. Надорвала, достала плотный кусочек яркого картона, украшенного блестящим рисунком из красных роз. Еще не прочитала написанное в центре витиеватым почерком, но уже знала, как оборвется сердце, как оно запрыгает в груди, пытаюсь выскочить наружу. И как от дикой боли оно рухнет вниз и спрячется в самый дальний уголок тела.

Я просила маму даже не упоминать об этом. Просила ничего мне не рассказывать. Не хотела ничего знать о том, когда это событие состоится. Но оно само меня нашло. Сестра не смогла упустить возможности надо мной поиздеваться.

Насмешка, плевок, удар под дых.

Она хорошо знала, что делает. Надеюсь, ей это доставило особое удовольствие. Стерва. Змея.

Я прочитала написанное в центре карточки:

Дорогая Варвара!

*С удовольствием приглашаем Вас порадоваться вместе с нами
и отметить наше бракосочетание,*

которое состоится двенадцатого июня в отеле «Бухта»

(ул. Мира, 3).

С уважением,

Кристина и Альберт

Руки затряслись, в глазах потемнело. По голове будто обухом топора ударили.

То самое место.

Тот самый день.

Наш день.

Завтра.

8

– Варь, что такое-то? – испугалась Вера, выхватывая у меня из рук карточку. – У тебя аж кровь от лица отхлынула. Бледная вон какая... Что? Что?!

– Да... – Снимая очки, я опустилась на табуретку в коридоре.

– И ты еще переживать из-за этого вздумала? – Подруга вернула карточку и села передо мной на корточки. – Да плюнь на них обоих! Плюнь.

– Плюю.

– А вот мать твою реально не понимаю, допустить все это...

Я чувствовала себя очень странно. Ни боли, ни слез, ни дрожи в коленках. Какая-то оглушающая пропасть, в которую ты несешься головой вниз, не в силах остановить своего падения.

– Просто... – Я положила очки на полочку и помассировала глаза подушечками пальцев. – Тот же самый день, в который мы планировали...

– Варька, да ты чо! Твой Альбертик – он же просто молодец, нигде не пропадет. Жалко стало задаток, вот и все. Или, может, еще на что потратился, лень стало заднюю включать. А тут и будущий тесть, наверное, пообещал частично проспонсировать. Да мало ли чем она его охомутала? Наверняка заставила! Неужели ты из-за этого еще будешь с ума сходить? Малой кровью от такого мудака отделалась, так радуйся! Завтра мы с вами замутим что-нибудь эдакое. – Она погладила меня по коленке. – Хочешь, на танцы пойдем? Или...

Я встала, чувствуя нехватку кислорода, и почти на полусогнутых метнулась к двери.

– Мне нужно на воздух, я сейчас.

Прямо на ходу натянула белые кеды без шнурков, купленные еще накануне, и выскочила в подъезд. Пронеслась по ступеням вниз так быстро, будто хотела убежать от себя самой, и, только выскочив в июньскую жару и спустившись к набережной, вдруг вспомнила, что не надела очки, не взяла даже сумку, ничего, кроме злосчастной карточки, украшенной рисунком из красных роз.

Я устало плелась по дороге, впитывая нежный и тонкий запах летнего воздуха, шум неспешных волн и пенного прибоя. Еле передвигала ноги, любуясь, как в бирюзовую краску вод вплетается небосвод с криками чаек в вышине, как ласкает берег гуляющий свободно ветер, создающий волшебную музыку собственным дыханием.

Сама не заметила, как почти добрела до старого парка. Двинулась в сторону магазина, чтобы спрятаться от солнца и немного охладиться, – голову ужасно напекло, волосы на ощупь казались раскаленными и даже обжигали ладони. Я с удовольствием окунулась в прохладу супермаркета и почувствовала легкое головокружение от резкой смены температуры. Для пущего эффекта несколько раз обмахнулась злосчастным приглашением и нетвердым шагом двинулась вдоль полок с продуктами.

* * *

Мне показалось, или чертовы «яблочные» часы тоже перегрелись от жары, как и я? Тяжело выдохнув, я остановился, чтобы проверить, живы ли они. Дисплей будто завис на отметке «Всего шагов: 8405, общая дистанция: 5 км» и больше не реагировал на прикосновения моих мокрых пальцев.

Я выругался и согнулся пополам, пытаюсь отдышаться. По дыхательным путям будто снова шло что-то горячее, густое, похожее на дым. Закашлялся, чувствуя резь от пота в глазах. Ощутил неприятный прострел в спине. Кожа горела, совсем как тогда, задубевшие от времени шрамы и рубцы давали о себе знать вспышками ноющей боли.

Выпрямившись, я оттянул влажную футболку и уставился вдаль.

Опять галлюцинации? Видения? Сознание снова играло со мной злые шутки?

Она шла прямо на меня, глядя перед собой потухшими растерянными глазами. Я нахмурился, нащупывая в кармане то ли телефон, то ли обезболивающее. Застыл на месте, ощущая поднимающийся к горлу ком, легкую дрожь, взбодрившую тело, и наконец облегченно выдохнул. Девушка меня не видела. Да и знать, как я выгляжу, вряд ли могла. Просто шла вперед, словно зомби, почти не отрывая ног от земли.

Я усмехнулся, провожая ее взглядом. Как он ее там называл? Самоуверенная? Амбициозная? Даже не смешно. Вот это жалкое маленькое создание? Хрупкое, будто вот-вот рассыплется. Он о ней говорил?

Да что она может вообще? Кто стал бы слушать такую? Бояться? Уважать? Нет. Передо мной отнюдь не охотник, скорее... жертва. Весьма аппетитная, явно слабая и всем своим видом напрашивающаяся на неприятности.

М-да... Может, это вовсе не она? Когда видел ее в последний раз, она выглядела по-другому...

Я вытер со лба пот и насмешливо покачал головой, когда легкий ветерок вдруг случайно донес до меня ее запах. Тонкий, воздушный, приятный. Едва ощутимой сладостью щекочущий ноздри.

Черт. Да нет же... Да ла-а-адно!

И вот я уже двинулся следом, словно повинуюсь какому-то невидимому голосу. Ловя аромат, рассматривая слегка выющиеся кончики длинных темных локонов, искрящихся на солнце, срисовывая взглядом очертания фигуры, аккуратные ножки под грубой тканью джинсов. Походка ее казалась тяжелой и усталой.

Я зашел за ней в магазин, задавая себе один-единственный вопрос: «Зачем?» Что я хотел там увидеть? Остановился, раздумывая: может, стоило заговорить с ней? От одной этой мысли меня моментально прошиб холодный пот.

* * *

Пришлось поднести ведро с мороженым вплотную к зрачкам. Триста калорий в ста граммах. Отлично. Пусть теперь сопли слипнутся. Наемся так, чтобы меня в разные стороны рвало. Хуже, чем осознавать свою никчемность, ничего и быть не может. Я закрыла морозильный ларь и прижала к груди трехкилограммовую ледяную емкость со сладким сливочным десертом. Еще и ложка в комплекте – ну просто прекрасно.

Я взяла ведро за ручку и двинулась, слегка пошатываясь, меж рядов с холодильниками. Завтра в это же время они будут произносить друг другу *наши* клятвы... Идеальный черный костюм, так красиво сидящий на его сильных плечах. Белое платье, пышное, как у принцессы. Поцелуи, обещания быть вместе в горе и радости, праздник, шампанское, путешествие... Что из этого теперь достанется мне? Ничего. Только разбитые мечты.

К черту все. К черту.

Я смахнула побежавшие по щекам тонкие ручейки горячих слез и остановилась возле стеллажа с итальянскими винами. На самом верху стояли бутылки элитного. Подняла повыше голову, пытаюсь прочесть надписи на этикетках. Навела резкость, оттянув пальцем веко. Вот оно. «Аркурия». Пять тысяч рублей. Бутылочка такого вина, помнится, ждала своего часа в квартире Альберта. Он обещал, что мы разопьем ее в честь нашего бракосочетания.

Ждала своего часа... Ха-ха... Теперь это не мой час. Его. С Кристиной.

Вот же сука!

Во мне определенно что-то менялось, раньше я даже мысленно не позволяла себе сквернословить, а теперь хотелось напиться до одури и материть всех подряд. Нет, закрыться в своей

квартире и выть, пока не полегчает. Или пойти и устроить шикарный девичник. И забить на все.

Боже, не знала, что это все будет *так* трудно.

А, была не была! Я потянулась вверх за бутылкой и так и застыла в этой позе. Нет. Не достану. Ну, стало быть, не судьба. Напиться – не выход. Я снова смахнула выступившие слезы и оперлась ладонью на выступ металлической полки. Дальше как в замедленной съемке: приглушенный звук сверху заставил поднять глаза. В пелене слез я заметила, как что-то наверху раскачивается. Медленно, угрожающе, поворачиваясь то одним боком, то другим.

Я охнула и отошла назад. Бутылка, качнувшись еще раз, полетела вниз и с громким хлопком разбилась у моих ног. Бах! Вдребезги. Окатив ноги и подвороты джинсов мелкими красными каплями. Я оторопела, прижала ведро с холодным мороженым к животу. В следующую секунду с верхней полки, продолжив серию взрывов, оглушительно рухнули еще две «Аркурии». Бах! Бах!

Оглядев свои заляпанные красным кеды, я несмело посмотрела вверх. Соседние бутылки пошатывались, но падать вроде бы не собирались. Я перевела дух, оглядываясь. От кассы ко мне уже спешила недовольная женщина в форменном фартуке, за ней – тучный охранник.

– Возмещать стоимость разбитого товара собираемся, девушка? – не давая мне и рта раскрыть, воскликнула продавщица.

– Э... – выдавила я, глядя, как охранник, присев, разглядывает этикетки в луже вина и осколках битого стекла. – Нет вообще-то.

– Что значит «нет»?! – покраснела женщина, вытаращив на меня глаза. – Пройдемте к кассе, посчитаем ущерб.

И решительно шагнула вперед, намереваясь схватить меня за руку.

– Я ваше вино даже в руках не держала! – заявила я, делая шаг назад и лишая ее такой возможности. – Не моя вина, что вы его закрепить не смогли как следует. А за мороженое заплачу, пойдемте.

И, откинув волосы назад, я направилась к кассе. От ругательств, послышавшихся за спиной, внутри все сжалось. А я-то думала, что ничего хуже, чем полученное по почте приглашение, уже и быть не может. Я остановилась и с грохотом обрушила ведро на ленту.

– Гражданочка, – прогнусавила женщина, заняв свое место за кассой, – может, вы и не намеренно, но я вижу, что вы не в себе или пьяны. Так что придется оплатить разбитое!

Ощувив тяжелое дыхание слева, я повернулась и увидела охранника, преграждающего мне путь к выходу. С таким пузом и шлагбаума не надо.

– Платить за вино не буду, – сказала я как можно решительнее.

– Будете. С вас...

– Не буду! – повторила я громче и принялась шарить по карманам в поисках кошелька, чтобы рассчитаться за мороженое.

Горло вспыхнуло ледяным огнем. Не та одежда. Новые джинсы. Сумка осталась дома. Черт-черт-черт! Нужно просто валить, к черту мороженое!

– Вы обязаны оплатить причиненный магазину ущерб согласно статье 1064 Гра...

– Послушайте, уважаемая. – Я нервно облизала губы. – Законы я знаю. Давайте сюда жалобную книгу, составляйте акт, привлекайте свидетелей, и будем судиться. Думаю, дополнительное внимание контролирующих органов вас порадует.

Продавщица надулась, как пузырь, и принялась хватать воздух ртом.

– Слушай, если ты такая умная, – охранник, оскаливая желтые зубы, двинулся на меня, – и отказываешься оплачивать ущерб, мы вызываем полицию.

– Вызывайте! – пятясь назад, усмехнулась я и вдруг уперлась спиной во что-то твердое.

Резко обернулась от испуга и уставилась в большие черные глаза. Брови над ними озадаченно изогнулись. Высокий молодой мужчина в светлой кепке с козырьком, повернутым назад, посмотрел на меня растерянно и слегка смущенно, затем скользнул взглядом по продавщице, потом снова по мне и... остановился на моих ладонях, лежащих теперь у него на груди.

– Ой, – сглотнула я, отдергивая руки.

– Все в порядке, – приятным басом сообщил он кассирше, быстро достал из кармана карту и вставил в терминал. – Мы все оплатим. Это и это.

Он что-то поставил на ленту.

Я набрала в легкие больше воздуха, собираясь ответить, и так и замерла, глядя в его широкую спину. Кто ты вообще такой? Я подняла руку, но не решилась коснуться его плеча.

– Считать все?

– Да, верно, – хрипловато произнес он.

Идеальный треугольник: широкие плечи, ровная спина, переходящая в красивую задницу и крепкие, сильные ноги. Матерь Божья...

– Угу, – отрывисто кивнул мужчина, спустя пару секунд забрал карту и молча двинулся к выходу.

А я так и осталась стоять с разинутым ртом и поднятой рукой. Продавец с охранником выглядели не менее ошарашенными. Женщина подвинула ко мне ведро с мороженым и громко сглотнула. Хлопнув несколько раз ресницами в полнейшей тишине, нарушаемой лишь мерным гулом холодильников, я посмотрела вслед удаляющемуся незнакомцу и вновь перевела взгляд на нее, словно спрашивая, что мне делать дальше. Она лишь пожала плечами. Тогда я быстро сгребла с ленты свою покупку и метнулась в сторону двери.

– Стойте! – крикнула я уже на выходе.

Мужчина медленно обернулся. Теперь мне удалось рассмотреть его подробнее. Брюнет лет тридцати, возможно даже с небольшим. Серая футболка, немного влажная в районе горловины, черные тренировочные шорты, белые кроссовки для бега с коротенькими белыми носками. На голове развернутая козырьком назад белая кепка, в левом ухе – наушник, на руке – спортивные часы.

Я подошла ближе. Теперь в глаза бросились взлохмаченные темные, почти черные волосы. Они мокрыми (очевидно от бега) прядями спадали на глаза. Их кончики завивались, почти касаясь густых бровей правильной формы. Скулы и все пространство над губой было покрыто мягкой щетиной, отливающей каштановым цветом на солнце.

– А, да. – Мужчина протянул мне бутылку того самого вина. – Это вам.

Уголки его губ приподнялись в легкой улыбке. Стоило мне принять его презент, как он кивнул, развернулся и пошел прочь.

– Подождите! – позвала я его, догоняя.

Мужчина остановился так резко, что мне пришлось затормозить, в очередной раз врезавшись в его корпус. Глубокое дыхание, точно самый нежный в мире бархат, скользнуло по моей коже. Щеки моментально запылали. От смущения захотелось зажмуриться. То, как он мягко придержал меня за локоть, заставило меня задрожать всем телом.

– Спасибо, – пролепетала я, пожирая глазами его спокойное, умиротворенное лицо.

Сердце пропустило сразу несколько ударов.

– Пожалуйста, – ответил он и отпустил меня, едва убедившись, что теперь я могу ровно стоять на ногах.

Вот так легко. Никто не просил его отваливать вместо меня чертову кучу денег, а он просто сказал «пожалуйста».

– Дайте мне, пожалуйста, свой номер телефона, – попросила я, совершенно растерявшись. Представляю, как это прозвучало. И тут же спохватилась: – Чтобы я могла вернуть вам деньги...

– Да не стоит, – сказал он, кажется, совершенно искренне.

– Нет! Так нельзя! – вскрикнула я, заметив, что мужчина собирается вновь развернуться и уйти.

– Да все нормально, – заверил он и вдруг замер.

Я проследила за его взглядом. Из моих рук, кружась в воздухе, выпорхнула карточка с приглашением. Я сжала челюсти, ненавидя этот клочок бумаги, так нелепо вернувший меня в жестокую реальность из сказки о прекрасном принце, спасшем меня из беды. Незнакомец нагнулся, протянул руку и ловко поймал его на лету. Переворачивать не стал, просто протянул мне.

Наверное, я смотрела на приглашение слишком долго, потому что он вдруг взял из моих рук контейнер с мороженым и бутылку и кивнул на скамейку:

– Давайте-ка присядем.

Это был не вопрос. Не приглашение. Он не спрашивал моего мнения, просто двинулся в нужном направлении, даже не проверяя, иду ли я за ним. И я быстро припустила следом по узкой дорожке, ведущей к деревьям. Села, сложила руки на коленях и робко подняла на него взгляд.

Кадык его ходил ходуном, глаза скользили по моему лицу. Мужчина казался обеспокоенным и взволнованным.

– Думал, вам полегчает, если я выручу вас из этой неприятной ситуации, – вдруг сказал он, тяжело вздохнув. – Но вы продолжаете плакать.

– Я... что? – Я вздрогнула, пройдясь ладонями по лицу.

Они тут же стали мокрыми. Да что за напасть? Все слезы, копившиеся во мне больше десяти лет, решили разом выйти наружу? Стыдно-то как...

– Простите, – выдавила я, пытаюсь отыскать в карманах платок.

Конечно же, его там не оказалось.

– Это вы меня простите, если сделал что-то не то. Не хотел вас обидеть или... напугать.

– Нет, что вы! – спохватилась я. – Это не из-за вас. Наоборот. Просто...

И я покосилась на злосчастную карточку, лежащую теперь на крышке контейнера. Я оцепенела, разглядывая обратную сторону, украшенную рисунком из лепестков блестящих цветов с колючими стеблями. Замерла, забыв, что нужно хоть иногда дышать. Впилась в нее глазами, будто в нечто заразное, угрожающее жизни и здоровью.

– Из-за этого? – тихо спросил он.

Я медленно откинулась на спинку скамьи и кивнула.

– Можно? – Мужчина робко протянул руку. Я кивнула еще раз, и он перевернул карточку.

Из моих глаз прямо-таки хлынули слезы. Будто там было написано что-то чрезвычайно стыдное или неприятное обо мне. Пока его пронзительные глаза, похожие на черные угольки, скользили по строчкам, меня охватила ужасная паника. А вдруг не спросит? Зачем это ему? Мне вдруг почему-то очень захотелось поделиться этой болью хоть с кем-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.